

Прострешь надъ слабой ихъ головой,
 О вспомни ихъ, орелъ полночи,
 Пошли имъ звонкій свой привѣтъ,
 Да ихъ утѣшить въ рабской ночи
 Твоей свободы яркій свѣтъ!
 Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
 Питай надеждой лучшихъ дней,
 И кладь сердецъ единокровныхъ
 Любовью жаркою согрѣй.
 Ихъ часъ придетъ: окрѣпнуть крылья.
 Младые когти подроютъ,
 Вскричатъ орлы — и цѣнь насилья
 Желзнымъ клювомъ раскуютъ.

Въ Юнѣ 1833 года Алексѣй Степановичъ уѣхалъ изъ Боучарова въ Крымъ, но скоро былъ оттуда вызванъ, чтобы везти въ Москву своего заболѣвшаго дядю Степана Алексѣевича Киреевскаго. Въ Юлѣ слѣдующаго 1834 года съ отцомъ Хомякова въ Липицахъ сдѣлался нервный ударъ, послѣ котораго Степанъ Александровичъ впалъ въ дѣтство. Онъ прожилъ еще два года, скончался въ Апрѣлѣ 1836 года и похороненъ въ Боучаровѣ.

Между тѣмъ въ личной жизни Алексѣя Степановича наступила новая пора, для уясненія которой мы должны коснуться нѣкоторыхъ еще не затронутыхъ нами сторонъ его воспитанія и характера.

IV.

Отношеніе къ женщинамъ.—Женитьба.—К. М. Хомякова.—Дѣти.

Переломъ, совершающійся въ жизни человѣка при вступленіи изъ отроческаго возраста въ юношескій, при входѣ «въ тѣ лѣта, когда намъ кровь волнуется женскій ликъ», бываетъ безконечно разнообразенъ; и если сколько головъ, столько умовъ, то едва ли не съ бѣльшимъ еще правомъ можно сказать тоже о жизни сердца и о первомъ пробужденіи страстей. Въ простыхъ условіяхъ крестьянскаго быта и эта сторона жизни проста и немногосложна; исключенія, къ счастью для народа, до сихъ поръ еще рѣдки. Но чѣмъ выше станемъ мы подниматься по общественной лѣстницѣ, тѣмъ больше увидимъ борьбы и отклоненій отъ праваго пути. Мальчикъ, принадлежащій къ верхнему слою общества, подверженъ съ дѣтства столькимъ воздѣйствіямъ, возбуждающимъ воображеніе и чувственность, что развѣ только чудомъ можетъ онъ не развиться ранѣе положенной природою поры; и рѣдко такое развитіе не сопровождается напрасною тратою душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, и большею или меньшею потерею нравственной чистоты, переходомъ отъ невинности къ пороку. Городская и въ особеннос-

сти столичная жизнь полна соблазновъ. Въ деревнѣ этихъ соблазновъ нѣтъ, но за то есть другіе. Много ихъ и теперь; еще больше было въ старомъ помѣщичьемъ быту, не привыкшемъ къ стѣсненіямъ и потому такъ часто переходившемъ въ разгулъ.

Немного есть родителей, которые понимаютъ свою обязанность внушать дѣтямъ сначала безсознательный, а потомъ и опредѣленный вѣрный взглядъ на отношенія мужчины къ женщинѣ и воспитывать въ нихъ твердыя правила нравственности и чести. Еще меньше найдется такихъ, которые, сознавая эту обязанность, умѣютъ во время ее исполнить. Большинство или вовсе не думаетъ объ этомъ, или считаетъ своихъ дѣтей моложе ихъ дѣйствительнаго жизненнаго возраста. Жизнь застаётъ ихъ врасплохъ, и имъ приходится дѣйствовать по пословицѣ: пришла бѣда, отворилъ ворота. Не такова была Марья Алексѣевна Хомякова. Мы видѣли, какъ вела она своихъ сыновей съ дѣтства, какія благотворныя начала вынесли они изъ родительскаго дома. И вотъ на порогѣ его, передъ выходомъ ихъ на широкій путь жизни, она завершила ихъ воспитаніе поступкомъ бывшимъ вполне въ ея духѣ и согласнымъ съ тѣмъ, какъ она понимала жизнь и обязанности честнаго человѣка. Когда ея сыновья пришли въ возрастъ, она призвала ихъ и объяснила имъ свой взглядъ на эти обязанности, состоявшій въ томъ, что мужчина, вопреки общепринятымъ понятіямъ о его относительной свободѣ, долженъ также строго блюсти свою чистоту, какъ и дѣвушка. Поэтому она потребовала отъ сыновей клятвы, что они до брака не вступаютъ въ связь ни съ одною женщиною, прибавивъ къ этому, что кто изъ нихъ нарушитъ клятву, тому она откажетъ въ своемъ послѣднемъ благословеніи. И клятва была дана.

Таковы были правила, которыя Хомяковъ вынесъ изъ дому, съ которыми онъ, двадцатилѣтній гвардейскій корнетъ, очутился въ Петербургѣ. И онъ не отступилъ отъ нихъ, не нарушилъ данной матери клятвы. Мы не знаемъ, какъ справлялся онъ со своею горячею кровью; но изъ его стиховъ видимъ, что онъ нѣсколько чуждался женщинъ. Къ скромности, частью природной, частью внушенной воспитаніемъ, присоединилось въ немъ чрезвычайно высокое представленіе объ идеалѣ женщины, осуществленія котораго въ жизни онъ искалъ, но все еще не находилъ.

Двадцати шести лѣтъ онъ писалъ («Признаніе»):

„Досель безвѣстна мнѣ любовь
И пылкой страсти огнь мятежный;
Отъ милыхъ взоровъ, ласки нѣжной
Моя не волновалась кровь.
Такъ сердца тайну въ прѣжни годы

Я стройно въ звуки облекалъ
И пѣсню гордую свободы
Цѣвницѣ юной повѣрялъ.
Надеждами, мечтами славы
И дружбой вѣрною богатъ,
Я презиралъ любви отравы
И не просилъ ея награды.
Съ тѣхъ поръ душа познала муки,
Надежду утрату, смерть друзей,
И грустно вторить пѣсни звуки,
Сложенной въ юности моею.
Я подъ рѣсницею стыдливой
Встрѣчалъ очей огонь живой,
И длинныхъ кудрей шелкъ игривой,
И трепеть груди молодой,
Уста съ привѣтною улыбкой,
Румянецъ бархатныхъ ланитъ,
И стройный станъ, какъ пальма гибкій,
И поступь легкую харитъ.
Бывало, въ жилахъ кровь разыграетъ,
И страха, радости полна,
Съ усилениемъ тяжкимъ грудь вздыхаетъ,
И сердце шепчетъ: вотъ она!
Но свѣтлый мигъ очарованья
Прошелъ какъ сонъ, пропалъ и слѣдъ:
Ей дики всѣ мои мечтанья,
И непонятенъ ей поэтъ.
Когда жъ?... И сердцу станетъ больно,
И къ арфѣ я прибѣгну вновь,
И прошепчу, вздохнувъ невольно:
Досель безвѣстна мнѣ любовь.

И такъ, тѣмъ дѣвушкамъ (нечего, кажется, прибавлять, что Хомяковъ съ его понятіями о любви не могъ «ухаживать» за замужними женщинами) тѣмъ дѣвушкамъ, на которыхъ онъ обращалъ вниманіе, были *дики его мечтанья*. Такъ случилось и съ извѣстною чаровницею тогдашней молодежи, Александрою Осиповною Россетъ. Встрѣтившись съ нею въ Петербургѣ, Хомяковъ, повидимому, какъ и всѣ въ началѣ, увлекся ею;

Но ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса,
И ей милѣй страны другія,
Другія лучше небеса.
Пою ей пѣснь роднаго края—
Она не внимлетъ, не глядитъ;
При ней скажу я: „Русь святая“,—
И сердце въ ней не задрожитъ.
И тщетно лучъ живаго свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятить любви своей.

Прочитавъ эти стихи, такъ и озаглавленные «Иностранкѣ», А. О. Россетъ жестоко обидѣлась на разборчиваго поэта, а онъ между тѣмъ прожилъ до тридцати лѣтъ со свободнымъ сердцемъ. Наконецъ настала и его чередъ. Здѣсь мы возвращаемся къ нашему прерванному разсказу.

Въ 1834 году Алексѣй Степановичъ встрѣтился въ Москвѣ съ племянницею Пашковыхъ, Зинаидою Николаевною Полтавцевою, и страстно въ нее влюбился. На предложеніе быть его женою ¹⁾ она отвѣчала отказомъ, однако сохранила о немъ доброе воспоминаніе и замужъ не вышла. Въ чудномъ стихотвореніи

Когда гляжу, какъ чисто и зеркально
Твое чело,

поэтъ излилъ свою сердечную тоску. Тѣмъ же настроеніемъ, но уже нѣсколько успокоеннымъ, навѣяны стихотворенія «Элегія» и «Благодарю тебя». Душа переболѣла, умъ вступилъ въ свои права. Хомяковъ вышелъ изъ этого испытанія окрѣпшимъ и просвѣтленнымъ и могъ сказать про себя:

Такъ раненый слегка орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса.

И онъ снова вернулся къ своимъ думамъ, къ своему жизненному подвигу. Въ стихотвореніяхъ «Мечта», «Ключъ» и «Островъ», передъ нами является прежній спокойный мыслитель, прежній пламенный пророкъ. Но уже близко было то счастье, котораго онъ такъ долго и такъ напрасно искалъ. Черезъ поэта Н. М. Языкова, принадлежавшаго къ кружку Киреевскихъ, Алексѣй Степановичъ познакомился съ его сестрою Катериною Михайловною, и 5 Іюля 1836 года они были обвѣнчаны ²⁾. За нѣсколько дней передъ тѣмъ сестра Алексѣя Степановича, Анна Степановна, вышла замужъ за своего дальняго родственника Василія Ивановича Хомякова.

Для всякаго человѣка, за рѣдкими исключеніями, бракъ бываетъ поворотною точкою въ жизни; но рѣзкость этого поворота не для всѣхъ одинакова. Большинство мужчинъ изъ верхнихъ слоевъ общества женятся, уже искусившись въ любви, а часто и въ развратѣ. Худшіе не мѣняють послѣ того своихъ привычекъ или скоро къ нимъ возвращаются; лучшіе — оставляють эти привычки, дѣлаются примѣр-

¹⁾ Это происходило въ одной изъ комнатъ „Пашкова дома“, теперешняго Румянцовскаго Музея.

²⁾ Въ домово́й церкви графовъ Паниныхъ, на Никитской, въ Москвѣ.

ными мужьями и отцами, но такъ и считаютъ, что они пожили—и довольно, что «личная жизнь» кончена, что молодость прошла. Лишь весьма немногіе приносятъ въ семью нетронутое сердце и думаютъ, что настоящая жизнь тутъ-то и начинается. О Хомяковѣ и этого сказать мало. Не допуская и мысли объ игрѣ въ любовь, но отъ юностинося въ душѣ чистый и ясный идеалъ женщины и семьи, онъ изъ года въ годъ, томясь и тоскуя, тщетно искалъ его осуществленія. Первое сильное его чувство не нашло себѣ отклика; но свѣтлая мечта его души отъ того не померкла, а загорѣлась еще ярче и, какъ далекая звѣзда, наконецъ привела его къ давно желанной цѣли. Умудренный жизнью, но сохранивъ всю цѣльность нетронутаго чувства, онъ внесъ въ бракъ истинное *цѣломудріе*. Вопреки тому, какъ бываетъ обыкновенно, этотъ тридцатидвухлѣтній женихъ былъ равенъ по нравственной чистотѣ своей восемнадцатилѣтней невѣстѣ. Клятва, данная матери, была сдержана, и не тѣлесно только, но и духовно. Таковъ былъ этотъ союзъ. Могъ ли онъ не привести къ счастью? И дѣйствительно, счастье было полное, какое только доступно человѣку на землѣ. Этимъ счастьемъ дышитъ каждое слово, дошедшее до насъ изъ этого времени жизни Алексѣя Степановича и его молодой жены.

Нужно замѣтить, что если для Хомякова семья была жизненнымъ идеаломъ, то онъ рѣдко гдѣ могъ найти себѣ такую жену, какъ въ необыкновенно дружной Языковской семьѣ. Катерина Михайловна какъ бы создана была для воплощенія того, о чемъ мечтаютъ Алексѣй Степановичъ. Когда читаешь ея письма и вслушиваешься въ рассказы людей ее знавшихъ, то изумляешься полному отсутствію въ ней всего рѣзкаго, всего бросающагося въ глаза, ея полной, безусловной простотѣ. Катерина Михайловна, скромная и очень застѣнчивая, съ точки зрѣнія испорченнаго свѣтскаго вкуса была женщина совсѣмъ обыкновенная, то-есть въ ней не было ровно ничего бьющаго на эффектъ. Она была хороша собой, но красотой не поражала; умна, но объ ея умѣ не кричали; полна умственныхъ интересовъ и образована, но безъ всякихъ притязаній на ученость. Словомъ, это было вполне, если можно такъ выразиться, художественно-гармоничное существо; а такимъ былъ и самъ Хомяковъ. Отсюда ихъ сродство и рѣдкое счастье, для многихъ мало понятное. Хомяковъ не суживался въ семейной жизни и не снисходилъ до нея, какъ многіе умники: для него семья была «святая святыхъ», гдѣ почерпалъ онъ вдохновеніе и силу и куда никого со стороны не допускалъ... Но лучше всего это настроеніе выражается его же стихами, написанными черезъ два года послѣ свадьбы:

Лампада поздняя горѣла
 Предъ сонной лѣнѣю моею,
 И ты взошла и тихо сѣла
 Въ сліяньи мрака и лучей.
 Головки русой очеркъ вѣжливый
 Въ тѣни скрывался, а чело—
 Святѣнны думы безмятежной—
 Сіяло чисто и свѣтло.
 Уста съ улыбкою спокойной,
 Глаза съ лазурной ихъ красой,
 Все тихимъ миромъ, мыслью стройной
 Въ тебѣ дышало предо мной.
 Ушла ты—солнце закатилось,
 Померкла холодная земля;
 Но въ ней глубоко затаилась
 Отъ солнца жаркая струя.
 Ушла! Но Боже, какъ звенѣли
 Всѣ струны пламенной души,
 Какую пѣсню въ ней заплели
 Онѣ въ полуночной тиши!
 Какъ вдругъ и молодо, и живо
 Вскипѣли силы прежнихъ лѣтъ,
 И какъ вздрогнулъ петербургъ,
 Какъ вспрыгнулъ дремлющій поэтъ!
 Какъ чистымъ пламенемъ искусства
 Его зажглася голова,
 Какъ сны, надежды, мысли, чувства
 Слялися въ звучныя слова!
 О, вѣрь мнѣ: сердце не обманетъ,
 Свѣтло звезда моя взошла,
 И снова яркій лучъ проглянетъ
 На лавры гордаго чела.

Войдя въ новую семью, Катерина Михайловна сразу стала тѣмъ,
 для чего была рождена и воспитана: вѣрною женою и послушною до-
 черью. Она смирялась передъ свекровью, которой крутой нравъ и ей
 доставлялъ немало горькихъ минутъ; а чѣмъ она была для мужа,
 это прекрасно выразилъ въ посвященныхъ ей стихахъ ея братъ Н. М.
 Языковъ:

Дороже перловъ многоцѣнныхъ
 Благочестивая жена!
 Чувствъ непорочныхъ, думъ смиренныхъ
 И всякой тихости полна,
 Она достойно мужа любить
 Живетъ одною съ нимъ душой,
 Она труды его голубить,
 Она хранить его покой.
 И счастье мужа—ей награда
 И похвала, и любо ей,
 Что межъ старѣйшинами града
 Онъ знатенъ мудростью рѣчей,

И что богатъ онъ чистой славой
 И силенъ въ общинѣ своей.
 Она воспитываетъ здраво
 И бережетъ своихъ дѣтей:
 Она ихъ мирно поучаетъ
 Благимъ и праведнымъ дѣламъ,
 Святую книгу имъ читаетъ,
 Сама ихъ водить въ Божій храмъ.
 Она блюдетъ порядокъ дома,
 Ей милъ ея семейный кругъ,
 Мирская праздность незнакома,
 И чуждъ безмысленный досугъ.
 Не соблазнять ея желаній
 Ни шумъ блистательныхъ пировъ,
 Ни вихрь полуночныхъ скаканій
 И сладки рѣчи пласуновъ,
 Ни говоръ пусто-величавый
 Бездушныхъ, чопорныхъ бесѣдъ,
 Ни прелесть роскоши лукавой,
 Ни прелесть всяческихъ суетъ.
 И домъ ея боголюбивый
 Цвѣтетъ добромъ и тишиной,
 И дни ея мелькаютъ живо
 Прекрасной, свѣтлой чередой;
 И никогда ихъ не смущаетъ
 Обуреваніе страстей:
 Господь ее благословляетъ,
 И люди радуются ей.

«Въ дѣтяхъ оживаетъ и, такъ сказать, успокоивается взаимная любовь родителей», сказалъ въ послѣдствіи Хомяковъ. Легко себѣ представить, чѣмъ были дѣти для молодыхъ супруговъ. У нихъ родились одинъ за другимъ сыновья Степанъ и Ѳеодоръ. Они были оба болѣзненны, особенно маленькій Степанчикъ, и оба умерли въ 1838 году. Памяти ихъ посвящено стихотвореніе «Къ дѣтямъ»

Бывало, въ глубокой полуночный часъ
 Малютки, приду любоваться на васъ;
 Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
 Молиться, да будетъ на васъ благодать,
 Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
 Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
 Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
 Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей—
 Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
 Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста,
 Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
 Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ—
 И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти! Въ глубокой полуночный часъ
 Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
 О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать;
 Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
 Любовь Вседержителя Бога.

Впослѣдствіи у Хомяковыхъ было семеро дѣтей: пять дочерей и два сына.

V.

Жизнь въ Москвѣ и деревнѣ. — Заграничное путешествіе. — Отношеніе Хомякова къ своимъ произведеніямъ. — Литературные противники, единомышленники и друзья. — К. С. Аксаковъ и Ю. О. Самаринъ. — Валуевъ. — Сочиненія Хомякова.

Со времени женитьбы и до конца вѣдшій распорядокъ жизни Алексѣя Степановича почти не мѣнялся. Московскій домъ, въ которомъ прошла его ранняя молодость, былъ отданъ въ приданое за Анной Степановной, которая черезъ три года скончалась, а Алексѣй Степановичъ съ женой поселились въ наемной квартирѣ. Долѣе всего прожили они на Арбатѣ, противъ церкви Николы Явленнаго, а оттуда осенью 1844 года переехали на Собачью площадку, въ собственный домъ, купленный у князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, въ которомъ съ тѣхъ поръ и жили постоянно. Весною Алексѣй Степановичъ уѣзжалъ въ деревню довольно поздно, часто въ Іюнь, но за то осенью, какъ страстный охотникъ, заживался тамъ долго. И онъ, и его жена очень любили Липицы, но проводили лѣто больше въ Боучаровѣ, которое было удобнѣе для житія и, какъ главное имѣніе, требовало большаго присмотра. Здѣсь почти всегда бывалъ кто-нибудь, чаще всего ближайшіе сосѣди, Ротмистровъ, Булыгинъ и Загряжскій; постояннымъ же собесѣдникомъ Алексѣя Степановича и соучастникомъ въ любимой его игрѣ на билліардѣ былъ его управляющій Василій Александровичъ Трубниковъ, котораго Хомяковъ очень любилъ. Дѣти Трубникова, и особенно сынъ его Сеничка, большой шалуны, часто приходили играть съ дѣтьми Хомякова. Марья Алексѣевна не одобряла такого общества, но сынъ въ этомъ ея не слушалъ. Вообще же Марья Алексѣевна никогда не переставала горевать о своемъ старшемъ сынѣ, а Алексѣя Степановича любила журить и бранить, что онъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ переносилъ. Между прочимъ она постоянно упрекала его въ плохомъ управленіи имѣніями, что было несправедливо, ибо Алексѣй Степановичъ въ дѣйствительности устроилъ дѣла и заплатилъ множество долговъ. На самомъ дѣлѣ старуха не могла простить сыну его, по ея мнѣнію, либеральнаго и протестантскаго образа мыслей, бороды и нежеланія служить. Сама она доходила во вѣдшихъ выраженіяхъ своей набожности до крайнихъ предѣловъ.

Итакъ, жизнь Хомякова дѣлилась между Москвою и его деревнями, которыя онъ объѣзжалъ довольно часто. Изрѣдка ѣздилъ онъ въ Петербургъ, по разу былъ въ Кіевѣ, Крыму и на Кавказѣ. Въ 1847 году онъ съ женою и двумя старшими дѣтьми ѣздилъ за границу, посетилъ Германію, Англію, Францію и Прагу.

Цѣль этого путешествія была, вѣроятно, двойкая: Алексѣй Степановичъ хотѣлъ показать своей женѣ великія произведенія искусства, и побывать въ Англіи, землѣ, наиболѣе привлекавшей его на Западѣ.

Въ Прагѣ, тогдашнемъ средоточіи только-что пробудившейся Западно-Славянской мысли, Хомяковъ познакомился съ Ганкою и въ его альбомѣ написалъ слѣдующія знаменательныя строки:

«Когда то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой
И духъ мертвицѣй, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.

«Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастье».

Къ этому времени относится стихотвореніе «Безвѣздная полночь дышала прохладой».

Въ слѣдующемъ году Хомяковъ напечаталъ свое «Письмо объ Англіи», въ которомъ онъ съ изумительною для иностранца чуткостью нѣсколькими чертами изображаетъ основныя особенности Англійскаго быта. Показавъ неосновательность ходячихъ мнѣній объ Англичанахъ, онъ опредѣляетъ сущность соціальной борьбы Виговъ и Торіевъ и съ необыкновенною теплотою описываетъ любовь Англичанъ къ ихъ старинѣ, любовь, подобную которой такъ хотѣлось Алексѣю Степановичу видѣть въ своихъ соотечественникахъ. Указавъ на успѣхи рачіоналистическаго вигизма, онъ кончаетъ свою статью словами: «Конечно Англія еще крѣпка, много живыхъ и свѣжихъ соковъ льется въ ея жилахъ; но дѣло Виговъ идетъ впередъ неудержимо. Звонко и мѣрно раздаются удары протестантскаго топора, разрубаются тысячелѣтніе корни, стонетъ величавое дерево. Не вѣрится, чтобы земля, воспитавшая такъ много великаго, давшая такъ много прекрасныхъ примѣровъ челоуѣчеству, разнесшая свѣтъ христіанства и славу имени Божія по отдаленнѣйшимъ концамъ міра, могла погибнуть; а гибель неиз-

бѣжна, развѣ (и дай Богъ, чтобъ это было), развѣ приметъ она новое духовное начало, которое притупило бы остріе протестантскаго топора, залѣчило бы уже нанесенныя раны и укрѣпило ослабленныя корни. Но будетъ ли это? Я взошелъ на Англійскій берегъ съ веселымъ изумленіемъ, я оставилъ его съ грустною любовью».

Съ выхода въ отставку Хомяковъ никогда болѣе не служилъ и потому могъ свободно располагать своимъ временемъ. Помимо хозяйства и чтенія (а читалъ онъ все, что только заслуживало вниманія) онъ продолжалъ писать. Но скоро стало, ясно, что его поэтическое дарованіе не есть средоточіе его творческихъ способностей. Впослѣдствіи, сравнивая себя съ Ѳ. И. Тютчевымъ, котораго онъ называлъ «насквозь поэтомъ», Хомяковъ писалъ: «Безъ притворнаго смиренія я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, то есть прозаторъ вездѣ проглядываетъ и слѣдовательно долженъ наконецъ задушить стихотворца.» Мы, быть можетъ, не согласимся съ такимъ безповоротнымъ самоосужденіемъ; но нельзя отрицать того, что поэтическая стихія не была жизнію для Хомякова. Отъ времени до времени онъ писалъ чудные стихи, но бывали у него и долгіе промежутки безъ вдохновенія. Кромѣ небольшихъ стихотвореній, онъ послѣ «Ермака» написалъ еще драму «Дмитрій Самозванецъ», произведеніе полное отдѣльныхъ, преимущественно лирическихъ красотъ, но окончательно доказавшее самому поэту, что онъ лишенъ силы драматургической. Ему предназначено было другое поприще; но пока онъ еще не выступалъ на него, не записывалъ рождавшихся въ его головѣ мыслей, а ограививался тѣмъ, что высказывалъ ихъ въ спорахъ. А. И. Кошелевъ рассказываетъ, что впослѣдствіи, на упрёки въ томъ, что онъ слишкомъ много говоритъ и слишкомъ мало пишетъ, Хомяковъ отвѣчалъ: «Изустное слово плодотворнѣе писаннаго; оно живить слушающаго и еще болѣе говорящаго. Чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова произнесенныя и слышанныя коренистѣе словъ писанныхъ и читанныхъ.» И на самомъ дѣлѣ, сила его слова было поразительна: въ томъ согласны всѣ, друзья и недруги, оставившіе намъ воспоминанія о немъ. За страсть къ спорамъ недалёковидные люди называли Хомякова софистомъ и лицемѣромъ, потому что онъ часто для уясненія какого нибудь вопроса, о которомъ спорили два безнадежно - несогласные собесѣдника, становился то на сторону одного, то на сторону другаго и въ концѣ концовъ доказывалъ обоимъ несостоятельность ихъ доводовъ и приводилъ ихъ къ истинѣ. Спорить съ нимъ было очень трудно, почти невозможно. Но за то, когда, увлекшись, онъ начиналъ излагать свои любимыя мысли, особенно

говорить о вѣрѣ, о призваніи Россіи, то діалектикѣ исчезалъ, и слово его звучало вдохновеніемъ пророческимъ.

Мы уже назвали выше нѣсколькихъ друзей, составлявшихъ первый и ближайшій кружокъ Хомякова. Къ концу тридцатыхъ годовъ въ Москвѣ собрались всѣ тѣ силы, которыми прославилась послѣдующая четверть вѣка. На ученое и литературное поприще выступили первые противники провозглашеннаго Хомяковымъ Русскаго направленія: Герценъ, Грановскій, Бѣлинскій, потомъ Соловьевъ и Кавелинъ; рядомъ съ нимъ явились сторонники направленія національнаго въ тѣсномъ смыслѣ, Шевыревъ и Погодинъ. Все это были, кромѣ немногихъ, люди такъ или иначе причастные къ Университету, представители, если можно такъ выразиться, присяжной науки, процвѣтшей подъ покровительствомъ попечителя графа Строганова. Проповѣдь Хомякова нашла себѣ въ началѣ лишь немногихъ послѣдователей. Почти одновременно съ обращеніемъ къ православному образу мыслей И. В. Киреевскаго, Хомяковъ сошелся съ молодыми людьми К. С. Аксаковымъ, Ю. О. Самаринымъ, А. Н. Поповымъ и нѣкоторыми другими. Тогда же впервые появился въ Москвѣ Гоголь, съ которымъ Хомяковъ вскорѣ подружился. Если прибавимъ имена брата К. М. Хомяковой, Н. М. Языкова, съ его другомъ К. А. Коссовичемъ, ея племянника Дмитрія Александровича Валуева, старика С. Т. Аксакова, выступившаго нѣсколько позднѣе, младшаго сына его Ивана Сергѣевича, братьевъ Елагиныхъ и О. В. Чижова: то получимъ почти полную картину того кружка, въ которомъ вращался въ то время Хомяковъ. Еще позже къ нему присоединился князь В. А. Черкасскій.

Та юношеская свѣжесть чувства, которую Хомяковъ сохранилъ до зрѣлаго возраста, сказала не въ однихъ только указанныхъ нами отношеніяхъ къ женѣ: таковъ былъ онъ и въ дружбѣ. Сходясь съ людьми, которые были моложе его на много лѣтъ, онъ заставлялъ ихъ забывать разницу возраста. Такова была его дружба съ Константиномъ Аксаковымъ и Юріемъ Самаринымъ. Вотъ какъ опредѣляетъ ихъ троицъ И. С. Аксаковъ:

«Творчество мысли, страстное къ ней отношеніе, рьяность проповѣди принадлежали собственно К. С. Аксакову. Онъ былъ не только философъ, но еще болѣе поэтъ (не въ смыслѣ только стихописанія), и строгій логическій выводъ, даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, почти всегда упреждался въ немъ какимъ-то художественнымъ откровеніемъ».

«Природа Самарина была совершенно противоположна природѣ К. С. Аксакова. Если Самарину не доставало творчества и почина,

то онъ превосходилъ своего друга ясностью, логическою крѣпостью и всесторонностью мысли, зоркостью аналитическаго взгляда. Его требованія въ мышленіи были несравненно строже; его логики не могли подкупить никакія сочувствія и влеченія. Онъ не только ничего не принималъ на вѣру, но въ противоположность своему другу былъ исполненъ недовѣрія къ самому себѣ и подвергалъ себя постоянно аналитической провѣркѣ. К. С. Аксаковъ былъ рожденъ ораторомъ и говорилъ лучше, чѣмъ писалъ. Самаринъ никого не увлекъ, подобно ему, художественностью и страстностью рѣчи; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода.»

«Въ обществѣ, въ которомъ они появились вмѣстѣ въ 1840 году, встрѣтили они Хомякова, и эта встрѣча была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Онъ превосходилъ ихъ не только зрѣлостью лѣтъ, опытомъ жизни и универсальностью знанія, но удивительнымъ, гармоническимъ сочетаніемъ противоположностей ихъ обѣихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; синтезъ вѣры и анализъ науки уживались вмѣстѣ, не нарушая правъ другъ друга, напротивъ—въ безусловной, живой полнотѣ своихъ правъ, безъ борьбы и противорѣчія, но свободно и вполне примиренные. Онъ не только не боялся, но признавалъ обязанностью мужественнаго разума и мужественной вѣры спускаться въ самыя глубочайшія глубины скепсиса, и выносилъ оттуда свою вѣру во всей ея цѣльности и ясной, свободной, какой-то дѣтской простотѣ. Онъ презиралъ вѣру робкую, почіющую на бездѣйствіи мысли и опасющуюся анализа науки. Онъ требовалъ лишь, чтобы этотъ анализъ былъ доводимъ до конца».

Сближеніе съ Хомяковымъ окончательно опредѣлило направленіе Аксакова и Самарина. Первый примкнулъ къ Хомякову раньше; для втораго, по складу его ума, борьба была труднѣе и болѣзненнѣе, и лишь послѣ долгаго и мучительнаго разлада съ самимъ собою онъ достигъ полнаго внутренняго примиренія *).

Но еще раньше связи съ Аксаковымъ и Самаринымъ, Хомяковъ всей душой привязался къ племяннику своей жены, молодому Валуеву, который, учась въ Университетѣ, жилъ у него.

*) Подробности этой борьбы шагъ за шагомъ очерчены въ біографическомъ очеркѣ, предпосланномъ Д. Ф. Самаринымъ пятому тому сочиненій его брата.

Дмитрій Александровичъ Валуевъ, умершій въ молодыхъ годахъ, быть рѣдкимъ образчикомъ соединенія блестящихъ дарованій съ неутомимымъ трудолюбіемъ. Во всю свою недолгую жизнь онъ не только самъ безъ устали работалъ, но и показаль другимъ, какъ нужно работать. Изданный имъ «Сборникъ историческихъ и статическихъ свѣдѣній о Россіи и о народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ», къ которому Хомяковъ написалъ введеніе, былъ первою книгою, послужившею выраженіемъ только что народившагося Русскаго направленія. Хомякова, который горячо полюбилъ Валуева, этотъ послѣдній съ 1836 года и до самой своей смерти въ 1845 году постоянно побуждалъ писать. «Онъ менѣе всѣхъ говоритъ, онъ почти одинъ дѣлаетъ», писалъ о немъ Хомяковъ Языкову. Послѣ смерти Валуева въ письмѣ къ Ю. О. Самарину Хомяковъ говорить: «Изъ нашего круга отдѣлился человѣкъ, котораго никто мнѣ никогда не замѣнитъ, человѣкъ, который мнѣ былъ и братомъ, и сыномъ. Этотъ ударъ былъ для меня невыразимо тяжелъ; но, отвлекая себя отъ личнаго чувства, я могу сказать, что это потеря невознаградимая для всѣхъ насъ. Его молодость, дѣятельность, чистота, миротворящая, хотя ни въ чемъ не уступающая, кротость нрава и, наконецъ его совершенная свобода и независимость отъ лицъ и обстоятельствъ, все дѣлало его драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ сотрудниковъ въ общемъ дѣлѣ добра и истины. Богу угодно было, чтобы такая прекрасная жизнь рано кончилась; но къ счастью Валуевъ многое началъ, и начатое имъ, я надѣюсь, не пропадетъ, а продолжится. Вы, конечно, сочувствуете моему горю, но никто не можетъ вполне оцѣнить, что я въ Валуевѣ потерялъ и какъ много я ему обязанъ быть во всѣхъ самыхъ важныхъ частяхъ моей умственной дѣятельности. Во многомъ онъ былъ моей совѣстью, не позволяя мнѣ ни слабѣть, ни предаваться излишнему преобладанію сухаго и логическаго анализа, къ которому я по своей природѣ склоненъ. Если что нибудь во мнѣ цѣнятъ друзья, то я хотѣлъ бы, чтобы они знали, что въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ дружба Валуева постоянно работала надъ исправленіемъ дурнаго и укрѣпленіемъ хорошаго во мнѣ.»

Валуевъ далъ первый внѣшній толчекъ прозаическимъ писаніямъ Хомякова, который до тѣхъ поръ, кромѣ упомянутой нами выше юношеской статейки о зодчествѣ, да напечатанной въ 1835 году небольшой статьи о черезполосномъ владѣніи, ничего не писалъ въ прозѣ. Будучи ежедневнымъ свидѣтелемъ того, какъ Алексѣй Степановичъ расточаетъ въ разговорѣ сокровища своего ума и познаній, и не придавая никакой цѣны словесной передачѣ мыслей, Валуевъ сталъ не-

отступно требовать отъ Хомякова, чтобы онъ записывалъ то, что говорилъ и взялъ съ него честное слово, что онъ одинъ часъ въ день будетъ писать. На первый разъ онъ даже заперъ своего старшаго друга на ключъ въ его кабинетъ. Такъ положено было начало Запискамъ Хомякова о всемірной исторіи. Разъ какъ-то Гоголь засталъ его за писаніемъ и, заглянувъ въ тетрадь, увидалъ въ ней имя Семирамиды; онъ сказалъ кому-то, что Хомяковъ пишетъ Семирамиду. Такъ это названіе и осталось за этой работою, и впоследствии самъ Хомяковъ иначе ея и не называлъ. Записки эти онъ велъ въ продолженіе всей своей жизни, свято исполняя данное покойному другу слово.

Этотъ обширный трудъ, представляющій собственно подробную схему всемірной исторіи, заключаетъ въ себѣ безчисленное множество новыхъ и свѣтлыхъ мыслей. Нѣкоторымъ изъ этихъ мыслей суждено было войти въ науку много лѣтъ спустя. Съ этой точки зрѣнія Записки Хомякова—богатый источникъ для будущихъ историковъ, которые будутъ изумляться необычной силѣ его историческаго провидѣнія, часто на основаніи самыхъ скудныхъ данныхъ угадывавшаго то, что долго скрывалось отъ проницательности ученыхъ. Но въ этомъ и слабая сторона «Семирамиды». Въ то время, когда она писалась, археологія и историческая критика многого еще не открыли, и Хомяковъ, при всей своей проницательности, часто вводилъ былъ въ заблужденіе недостаткомъ точныхъ данныхъ. Значеніе Записокъ прекрасно выяснено въ предисловіи къ нимъ, написанномъ ихъ издателемъ А. О. Гильфердингомъ, котораго Алексѣй Степановичъ всегда высоко цѣнилъ. Гильфердингъ такъ передаетъ, со словъ самого Хомякова, его взглядъ на научное значеніе своего труда: «Всѣ книги о всемірной исторіи, говорилъ онъ, кажутся ему совершенно неудовлетворительными; онъ грѣшатъ тѣмъ, что исторія разсматривается въ нихъ съ чисто внѣшней стороны и притомъ крайне односторонне. Односторонность въ нихъ во-первыхъ та, что исторія, хотя и называется всемірною, сосредоточивается почти исключительно въ народахъ Европейскихъ, великая же и тысячелѣтняя историческая жизнь другихъ племенъ земнаго шара отодвигается на задній планъ и притомъ не приводится ни въ какую органическую связь съ судьбами привилегированныхъ, такъ сказать, народовъ Европы. Во вторыхъ, между народами Европы выводятся на сцену лишь народы классической древности и западнаго міра, громадное же племя Славянское оставляется въ тѣни, и роль его также не связывается съ общимъ ходомъ міровой жизни. Внѣшній же, механический характеръ имѣютъ книги о всемірной исторіи главнѣйшимъ образомъ потому, что онѣ слишкомъ мало понимаютъ и цѣнятъ то на-

чало, которое существеннѣйшимъ образомъ обусловливаетъ строй чело-
вѣческаго общества и его внутреннія стремленія, именно религію. Итакъ Хомяковъ поставилъ себѣ задачею изложить схему, какимъ об-
разомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, вопервыхъ,
жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащее
отношеніе; чтобы, вовторыхъ, Славянскому племени возвращено было
подобающе ему мѣсто, и чтобы, втретьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ
внутреннихъ силъ, которыми обусловливался ходъ историческаго раз-
витія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силъ—
религіи».

«Ему не было суждено, говорить Ю. Θ. Самаринъ, «не только
довести до конца великій задуманный имъ трудъ, но даже воспользо-
ваться тѣмъ, что уже было имъ исполнено; а чего онъ не успѣлъ
совершить, того конечно не возьметъ на себя никто. Мы можемъ толь-
ко сохранить для потомства богатое наслѣдство его мысли въ томъ
видѣ въ какомъ оно до насъ дошло. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ
обширномъ, многосложномъ и окончательно непровѣренномъ трудѣ,
каковы Записки Хомякова, найдутся недосмотры, ошибки, противорѣчія
и произвольныя, а еще чаще неоправданныя догадки; на нихъ ука-
жутъ, ихъ исправятъ специалисты коротко знакомые съ источниками,
и въ тоже время, мы въ этомъ не сомнѣваемся, они оцѣнятъ по до-
стоинству великій ученый подвигъ покойнаго автора. Представители
ремесленности въ наукѣ, не находя на его трудъ своего цеховаго штем-
пеля, отвернутся отъ него съ пренебреженіемъ; одно отсутствіе раз-
дѣленія на главы и рубрики надолго доставитъ поживу самодовольной
критикѣ. Мы предоставляемъ ей это легкое торжество надъ трудомъ,
который, въ этомъ отношеніи, является передъ нею безоружнымъ.
Большинство читателей найдетъ въ немъ чтеніе, конечно не легкое,
но которое съ избыткомъ вознаградитъ всякое усиліе мысли. За по-
слѣднее можно смѣло поручиться».

Сочиненіе свое по всемірной исторіи Хомяковъ не назначалъ къ
печати, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно осталось послѣ
него; и такъ какъ онъ не успѣлъ его окончить, то его и нельзя при-
знавать трудомъ вполне цѣльнымъ. Но самъ онъ считалъ эту работу
настоящимъ своимъ дѣломъ и въ одномъ письмѣ къ С. П. Шевыреву
говорилъ: «Къ несчастію я такъ лѣнивъ, что всякая статья отрываетъ
меня отъ труда постояннаго, и поэтому я долженъ только позволять
себѣ трудъ эпизодическій, когда вижу или чувствую въ душѣ необхо-
димость высказать свою мысль». Эти слова знаменательны: ими объяс-

няется какъ все послѣдующее распределение занятій Хомякова, такъ и неизбежная отрывочность его статей. За двадцать лѣтъ съ 1840 по 1860 годъ онъ въ сущности написалъ много и успѣлъ, въ большей или меньшей степени, высказаться по всѣмъ занимавшимъ его вопросамъ; но, считая, какъ видно изъ только что приведеннаго письма, свои статьи случайнымъ выраженіемъ мыслей, онъ никогда не думалъ о приведеніи ихъ въ какую бы то ни было систему. Напротивъ, «Записки» свои велъ онъ, придерживаясь строгаго, напередъ обдуманнаго плана, и только одно это его произведение и носить характеръ сочиненія систематическаго, тогда какъ отдѣльныя статьи являются какъ бы эпизодами его умышленной дѣятельности. Поэтому для полнаго уразумѣнія Хомякова необходимо послѣдовательное изложеніе его мыслей, освобожденныхъ отъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ эти мысли заключены и разбросаны по отдѣльнымъ его статьямъ. Опытъ такого изложенія мы даемъ во второй части настоящаго труда; здѣсь же будемъ указывать на отдѣльныя статьи лишь постольку, поскольку это необходимо для разсказа о его жизни и для уясненія его личности.

VI.

Славянофильство.—Отношеніе къ нему правительства и общества.—Взглядъ Хомякова на призваніе его сотрудниковъ.

Подавая по временамъ голосъ въ статьяхъ и стихахъ и постоянно работая надъ «Семирамидою», Хомяковъ продолжалъ предпочитать устное слово писанному и неустанно развивалъ свои мысли въ горячихъ спорахъ съ друзьями и противниками. Послѣдніе постепенно выдѣлились въ видѣ «Западниковъ», а Хомякова и его сторонниковъ прозвали «Славянофилами», воскресивъ, по поводу ихъ сочувствія *Славянамъ*, это старое слово, прилагавшееся некогда къ Шинкову и другимъ защитникамъ *Церковнославянскаго языка* въ Русской словесности *).

*) Въ 1847 году, въ статьѣ „О возможности Русской художественной школы“, напечатанной въ „Московскомъ Сборникѣ“, Хомяковъ писалъ: „Нѣкоторые журналы называютъ насъ насмѣшливо Славянофилами, именемъ составленнымъ на иностранный ладъ, по которое въ Русскомъ переводѣ значило бы *Славянолюбцевъ*. Я съ своей стороны готовъ принять это названіе и признаюсь охотно: люблю Славянъ. Я не скажу, что я ихъ люблю потому, что въ ранней молодости, за границами Россіи, принятый равнодушно, какъ всякій путешественникъ, въ земляхъ не-Славянскихъ, я былъ въ Славянскихъ земляхъ принятъ, какъ любимый родственникъ, посѣщающій свою семью; или потому, что во время военное, провѣзая по мѣстамъ, куда еще не доходило Русское войско, я былъ приветствуемъ Болгарами, не только какъ вѣстникъ лучшаго будущаго, но какъ другъ и братъ;

Такъ началось Славянофильство.

Трудно было положеніе этихъ немногочисленныхъ борцовъ мысли. Еще ни одно новое умственное направленіе не встрѣчало при своемъ возникновеніи такого единодушнаго недовѣрія со стороны всей окружающей среды, недовѣрія, порою переходившаго въ ненависть. Можно безъ преувеличенія сказать, что съ самыхъ первыхъ шаговъ славянофильства отношеніе къ нему правительства и общества представляло собою одно сплошное недоразумѣніе, въ значительной мѣрѣ продолжающееся и до сихъ поръ. Истинныхъ мнѣній Славянофиловъ въ ихъ послѣдовательности огромное большинство ихъ порицателей не только не знало, но и не хотѣло знать: подхватывались ихъ конечные выводы по отдѣльнымъ вопросамъ, перетолковывались вкривъ и вкосъ и въ такомъ видѣ подвергались осмѣянію и преслѣдованію. Проповѣдь широкой духовной свободы обзывалась насильничествомъ, потому что требовала этой свободы для всѣхъ мнѣній, а не для однихъ только модныхъ, не для новизны только, но и для старины. Люди, едвали не полнѣе своихъ противниковъ изучившіе западную науку и настаивавшіе лишь на сознательномъ ея воспріятіи на мѣсто рабской переимчивости, оглашались старовѣрами, будто бы желавшими повернуть Россію спиной къ Европѣ и вогнать ее въ Азію. Наконецъ, ученіе, краеугольнымъ камнемъ котораго въ вопросахъ политическихъ было историческое самодержавіе, оподозривалось въ государственной неблагонадежности и чуть не въ стремленіи къ бунту. Между тѣмъ какъ

или потому, что, живучи въ ихъ деревняхъ, я нашелъ семейный бытъ своей родной земли; или потому, что въ ихъ числѣ находится наиболѣе племя православныхъ, слѣдовательно связанныхъ съ нами единствомъ высшаго духовнаго начала; или даже потому, что въ ихъ простыхъ правахъ, особенно въ областяхъ православныхъ, таятся добродѣтели и дѣятельность жизни, которыя внушили любовь и благоговѣніе просвѣщеннымъ иностранцамъ, каковы Бланкі и Бюэ. И этого не скажу, хотя тутъ было бы довольно разумныхъ причинъ; но скажу одно: я ихъ люблю потому, что нѣтъ Русскаго человѣка, который бы ихъ не любилъ; нѣтъ такого, который не сознавалъ бы своего братства съ Славяниномъ и особенно съ православнымъ Славяниномъ. Объ этомъ, кому угодно, можно учинить справку хоть у Русскихъ солдатъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, или хоть въ Московскомъ гостиницѣ дворѣ, гдѣ Французъ, Нѣмецъ и Итальянецъ принимаются какъ иностранцы, а Сербъ, Далматинецъ и Болгаринъ, какъ свои братья. Поэтому насмѣшку надъ нашей любовью къ Славянамъ принимаю я также охотно, какъ и насмѣшку надъ тѣмъ, что мы Русскіе. Такія насмѣшки свидѣлствуютъ только объ одномъ: о скудости мысли и тѣнотѣ взгляда людей, утратившихъ свою умственную и духовную жизнь и всякое естественное или разумное сочувствіе въ щеголевой мертвенности салоновъ или въ односторонней книжности современнаго Запада“.

западничество, при своемъ несомнѣнномъ сочувствіи съ западно-европейскими государственными ученіями, не смотря на то, гораздо болѣе пользовалось покровительствомъ власти и господствовало на университетской кафедрѣ, Славянофилы обставлены были неисчислимыми цензурными стѣсненіями, а иногда находились и подъ прямымъ запрещеніемъ печатать что бы то ни было. Тотъ самый графъ С. Г. Строгановъ, который, будучи попечителемъ Московскаго университета, такъ много для него сдѣлалъ, оказывая покровительство даровитымъ молодымъ ученымъ и помогая имъ достигать профессуры, къ Славянофиламъ относился недовѣрчиво и считалъ ихъ людьми опасными. Незадолго до своей смерти, когда большинства ихъ уже не было въ живыхъ, онъ, говорятъ, измѣнилъ свой взглядъ и понялъ свою былую ошибку, но во время своего попечительства и непосредственно послѣ него онъ всюду, гдѣ только могъ, ставилъ препятствія Славянофиламъ. Если же такой человекъ какъ Строгановъ, ничего не искавшій, просвѣщенный и вездѣ, по своему крайнему разумѣнію, помогавшій просвѣщенію, такъ относился къ Славянофиламъ: то понятно, чего могли они ждать отъ другихъ представителей власти, несравненно менѣе способныхъ понять ихъ и оцѣнить. Еще въ 1858 году Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій въ своемъ секретномъ сообщеніи шефу жандармовъ князю Долгорукову о неблагонамѣренныхъ людяхъ въ Москвѣ писалъ: «По разнымъ слухамъ и негласнымъ дознаніямъ можно предполагать, что такъ называемые Славянофилы составляютъ у насъ тайное политическое общество, вредное по своему составу и началамъ». Въ приложенномъ къ этому сообщенію списокъ Ю. О. Самаринъ, напримѣръ, опредѣляется такъ: «Славянофилъ и литераторъ, желающій безпорядковъ и на все готовый». Вѣроятно и Закревскій, и другіе подобные ему блюстители общественной безопасности затруднились бы объяснить, на что собственно готовы Славянофилы; но послѣднимъ было отъ того не легче. Преслѣдованіе не ограничивалось одною литературою: и самыя лица не оставались свободными отъ него. Русское платье и въ особенности борода, которую они носили, сочтены были признаками неповиновенія власти. Черезъ полтора вѣка послѣ указовъ Петра Великаго, Москва опять увидала гоненіе на бороду.

Подозрительное отношеніе къ Славянофиламъ, въ значительной мѣрѣ внушаемое Петербургу ихъ Московскими недоброжелателями, обратно, какъ бы отражалось, оказывало дѣйствіе на многихъ Москвичей, въ душѣ къ нимъ расположенныхъ: многіе сторонились ихъ, считая опаснымъ знаться съ опальными людьми.

Наконецъ, и то сословіе, которое, повидимому, должно было бы сочувственно отнестись къ общественной проповѣди Православія, начатой Славянофилами, встрѣтило ихъ съ холодною и недоувѣреніемъ. Большинство духовенства, не исключая даже самого митрополита Московскаго Филарета, казалось, не хотѣло понять, что славянофильство — не новый расколъ, и что нѣтъ основанія не довѣрять ему. Когда нѣкоторые лучшіе умы Англиканской церкви начали склоняться къ Православію, Хомяковъ горячо принялъ къ сердцу ихъ дѣло и всѣми силами старался, въ письмахъ къ Пальмеру, выяснять ихъ недоумѣнія. Чтобы облегчить Пальмеру доступъ къ высшимъ представителямъ Русской іерархіи, Алексѣй Степановичъ писалъ Казанскому архіепископу Григорію. Послѣдній въ началѣ отнесся къ нему съ теплымъ сочувствіемъ, но потомъ, вѣроятно по чьимъ-нибудь наговорамъ, сразу измѣнилъ это отношеніе на холодную оффиціальность *).

Въ числѣ немногихъ, имѣвшихъ правильный взглядъ на Хомякова и его убѣжденія, должно назвать Димитрія архіепископа Тульскаго, а потомъ Одесскаго, который былъ очень расположенъ къ Алексѣю Степановичу и часто и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ; также — архіепископа Антонія Смоленскаго, а послѣ Казанскаго.

Среди всеобщей вражды, Славянофиламъ приходилось крѣпко держаться вмѣстѣ. И дѣйствительно, кругъ ихъ былъ не великъ, но за то неразрывенъ. Хомяковъ, бывшій его душою и средоточіемъ, особенно заботился о молодежи. Трогательны его письма въ Петербургъ къ А. В. Веневитинову и къ графинѣ А. Д. Блудовой, которыхъ онъ проситъ не оставить безъ поддержки ѣхавшихъ туда юныхъ Москвичей. Онъ вѣчно за кого-нибудь хлопоталъ, послѣдовательно снаряжая въ Петербургъ А. Н. Попова, Ю. О. Самарина, К. А. Коссовича, К. Д. Кавелина. Послѣдняго, не смотря на разность ихъ мнѣній, онъ искренно любилъ.

Хомяковъ принадлежалъ къ немногимъ людямъ, сразу оцѣнившимъ Гоголя. Но и помимо отношенія къ нему, какъ къ художнику, Алексѣй

*) Мы приводимъ этотъ случай, какъ примѣръ отношенія одного изъ видныхъ Русскихъ іерарховъ къ Хомякову, не входя здѣсь въ подробности дѣла о несостоявшемся обращеніи въ Православіе Пальмера. Причина неудачи послѣдняго лежала прежде всего въ немъ самомъ, въ крайней трудности для западнаго человека отрѣшиться отъ вѣковыхъ предубѣжденій и односторонности въ основныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Запада. Эта сторона дѣла ясно выступаетъ въ перепискѣ Пальмера съ Хомяковымъ. См. „Русскій Архивъ“ 1894 г., кн. III, вып. XI, стр. 433.

Степановичъ полюбилъ его какъ человѣка и остался ему вѣрнымъ другомъ до конца. Гоголь былъ крестнымъ отцомъ младшаго его сына Николая.

Одаренный рѣдкою способностью понимать смыслъ текущихъ событій и предугадывать грядущее направленіе общественной жизни, Хомяковъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ необходимость дружной и систематической работы. Въ 1846 году онъ писалъ Самарину: «Надобно и непременно надобно вырабатывать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку. Надобно передѣлать все наше просвѣщеніе, и только общій, постоянный и горячій трудъ могутъ это сдѣлать». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вполне сознавалъ, что цѣль его — не виѣшняя. «Глупо съ нашей стороны давать себѣ видъ политическихъ дѣйствователей», писалъ онъ А. Н. Попову: «по сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше социализма». «Практическое приложеніе началъ нами защищаемыхъ покуда еще невозможно», говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же Попову: «оно производитъ только минутную тревогу, не принося плода. Воспитаніе общества только что начинается, а покуда оно не подвинулось сколько нибудь, никакого пути быть не можетъ. Изъ нашихъ многіе начинаютъ сомнѣваться въ успѣхѣхъ самаго этого воспитанія: они говорятъ, и повидимому справедливо, что число Западниковъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, а наши пріобрѣтенія ничтожны. Это видимая правда и дѣйствительная ложь. Вотъ мое объясненіе. Мысль распространяется, какъ мода. Начинается съ десяти герцогинь, идетъ къ тысячѣ дамъ салонныхъ и падаетъ въ удѣлъ сотнѣ тысячъ горничныхъ и гризетокъ: числительное пріобрѣтеніе и дѣйствительный упадокъ. Тоже и съ мыслию: она переходитъ отъ десятка душъ герцогинь къ сотнѣ горничныхъ душъ. Безъ слѣпоты нельзя не признать, что старая западная мысль сдѣлалась нарядомъ всего горничнаго міра; но безъ пристрастія нельзя отрицать и того, что мы много выиграли мѣста въ душевной аристократіи».

Но ограничивая борьбу областью духа и мысли, Хомяковъ требовалъ, чтобы и оружіе ея было чисто-духовное, и рѣзко возставалъ противъ всякаго примѣненія силы виѣшней, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась. «Нѣсть нана борьба крови и плоти», пишетъ онъ К. С. Аксакову.

Пъвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брани булатной,
Ни латы съ Саулова плеча;

Но, духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ полѣ бралъ камень простой—
И падалъ врагъ иноплемennyй,
Сверкая и гремя броней.

И ты, когда на битву съ ложью
Возстанеть правда думъ святыхъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.

Доспѣхъ Саула ей окова,
Ей царскій тягостень шелома;
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ.

Мало того: Хомяковъ никогда не скрывалъ отъ себя, что употребленіе внѣшнихъ средствъ въ духовной борьбѣ часто бываетъ губительно для проповѣдуемой идеи. Въ одномъ мѣстѣ своихъ «Записокъ» онъ говоритъ: «Костеръ мученика—торжество вѣры, крестовый походъ—ея могила» (IV, 204).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно предостерегалъ Русскій народъ отъ духовной гордости:

Не терпѣть Богъ людской гордыни.
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
„Мы соль земли, мы столпъ святыни,
„Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!“
Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.
Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Послѣдніе стихи ни къ кому не примѣнимы въ такой полнотѣ, какъ къ написавшему ихъ. «Для Хомякова», говоритъ А. И. Кошелевъ, «вѣра Христова была не доктриною и не какимъ-либо установленіемъ: для него она была жизнью, всецѣло обхватывавшею все его существо».—«Хомяковъ жилъ въ Церкви», сказали про него Ю. О. Самаринъ въ своемъ превосходномъ предисловіи къ богословскимъ его сочиненіямъ. Сознаніе непосредственнаго общенія молитвы со всѣми братьями по вѣрѣ никогда его не покидало. Это чувство всего сильнѣе овладѣваетъ имъ въ часы ночнаго уединенія.

Спѣла ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Бродить сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи:
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтять словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти:
Въ городахъ къ заутренѣ звонить,
Въ Божью церковь идугъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,
О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ:
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный
Такъ, какъ звѣзды на небѣ горять,
Какъ горить лампада предъ иконою.

VII.

Основные черты убѣждений и характера Хомякова.—Смерть жены.—Сочиненія послѣднихъ лѣтъ жизни.

До сихъ поръ мы лишь отрывочно пытались обрисовать отдѣльныя черты нравственнаго облика Алексѣя Степановича. Для того чтобы возсоздать его образъ во всей его полнотѣ, необходимо помнить основную его черту. Какъ въ убѣжденіяхъ своихъ, такъ и въ жизни Хомяковъ былъ прежде всего Православнымъ христіаниномъ. Убѣжденія не отдѣлялись у него отъ жизни, какъ это бываетъ у большинства людей. Онъ жилъ, какъ вѣровалъ и думалъ. Вѣру свою запечатлѣлъ онъ всею своею жизнью, а потому и высказанныя имъ начала были во всемъ согласны между собою. Въ жизни отдѣльнаго человѣка, въ жизни общества и государства, въ исторической жизни народовъ видѣлъ онъ воплощеніе одной и той же божественной мысли и выяснять ее со всею чуткостью живой сердечной вѣры, со всею зоркостью строгаго научнаго анализа. Пламенно любя Россію и Славянство, онъ никогда не забывалъ, что ни Церкви ни Россія, ни Славянство не могутъ достигнуть полноты своего развитія. Въ отличіе отъ иныхъ, для кого Православіе было особенно дорого, какъ Русская вѣра, Хомяковъ въ самомъ Русскомъ народѣ видѣлъ прежде всего ковчегъ

Православія и неустанно призывалъ Россію на путь вѣры, смиренія и усерднаго изученія заветовъ старины. Таково его стихотвореніе «Россіи»

„Гордись!, тебѣ льстецы сказали,
 „Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
 „Земля несокрушимой стали,
 „Полмира взявшая мечемъ!
 „Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
 „И, прихотей твоихъ раба,
 „Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
 „Тебѣ покорная судьба.
 „Красны степей твоихъ уборы,
 „И горы въ небо уперлись,
 „И какъ моря твои озера“...
 — Не вѣрь, не слушай, не гордись!
 Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
 Какъ волны синія морей,
 И нѣдра горъ алмазовъ полны,
 И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
 Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
 Народы робко клонятъ взоръ,
 И семь морей немолчнымъ плескомъ
 Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
 Пусть далеко грозой кровавой
 Твои перуны пронеслись:—
 Всей этой силой, этой славой,
 Веѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

*

Грозивъ тебѣ былъ Римъ великій,
 Царь семихолмнаго хребта,
 Железныхъ силъ и воли дикой
 Осуществленная мечта;
 И нестерпимъ былъ огонь булата
 Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
 И вся зарылась въ груди злата
 Царица западныхъ морей...
 И что же Римъ? И гдѣ Монголы?
 И, сжавъ въ груди предсмертный стопъ,
 Куетъ безсильныя крамолы,
 Дрожа надъ бездною, Альбіонъ...

*

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
 Невѣрно злато, сталь хрупка;
 Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
 Сильна молящихся рука.
 И вотъ за то, что ты смиренна,
 Что въ чувствахъ дѣтской простоты,
 Въ молчаньи сердца сокровенна,
 Глаголь Творца пріяла ты,—
 Тебѣ Онъ далъ Свое призванье,
 Тебѣ Онъ свѣтлый далъ уделъ:

Хранить для міра достоянье
 Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
 Хранить племя святое братство,
 Любви живительный сосудъ,
 И вѣры пламенной богатство,
 И правду, и безкровный судъ.
 Твое все то, чѣмъ духъ свѣтится,
 Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
 Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится —
 Начало славы и чудесъ.

О, вспомни свой удѣлъ высокій!
 Былое въ сердцѣ воскреси
 И въ немъ сокрытаго глубоко
 Ты духа жизни допроси.
 Внимай ему, и, всѣ народы,
 Согрѣвъ любовью своей,
 Открой имъ таинство свободы,
 Сіянье вѣры имъ пролей.
 И станешь въ славѣ ты чудесной
 Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
 Какъ этотъ синій сводъ небесный,
 Прозрачный Вышняго покровъ!

Сознавая вполне важность своего призванія, онъ былъ чуждъ и тѣни самообольщенія и, съ полнымъ убѣжденіемъ въ недостаточности силъ отдѣльнаго человѣка для осуществленія начатаго имъ великаго дѣла, говорилъ:

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
 Душа отъ лѣниваго сна,
 Просилась людямъ и братьямъ
 Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвалась
 Вѣщать Твою волю землѣ,
 Да свѣтъ осіяетъ разумный
 Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ.

Какъ часто, безсильемъ томимый,
 Съ глубокой и тяжелой тоской,
 Молил Тебя дать имъ пророка
 Съ горячей и сильной душой;

Молил Тебя въ часъ полуночи
 Пророку дать силу рѣчей,
 Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
 Глаголами правды Твоей;

Молил Тебя съ плачемъ и стономъ,
 Во прахъ простерть предъ Тобой,
 Дать міру и уши, и сердце
 Для слуханья рѣчи святой.

Личная вѣра Хомякова была чужда всякого ханжества. Далекій отъ того, чтобы считать себя праведникомъ, онъ въ самыхъ задушевныхъ разговорахъ съ друзьями выражалъ имъ, что мучительно чувствуетъ свое несовершенство. Строго исполняя всѣ посты и установленія церковныя, дорожа этою тѣснѣйшею связью съ народомъ, онъ избѣгалъ всего, что дѣлается на показъ. Вообще *простота* была отличительною чертою его характера. Другою чертою его была веселость—здоровая, непритворная, ясная *).

Единство мысли и дѣйствія, горячая искренность, отвращеніе ото всего предвзятаго, затверженнаго, пошлаго, полное здоровье духа и тѣла, любовь къ жизни и ея радостямъ: таковъ былъ характеръ Хомякова, простой, ясный, какъ кристалль и потому именно казавшійся и кажущійся мало понятнымъ для тѣхъ, кто обо всемъ судить по готовой мѣркѣ. Мы такъ привыкли видѣть и на людяхъ, и на мысляхъ извѣстный мундиръ, что безъ такого мундира и вообразить себѣ чловѣка не можемъ. Общественный дѣятель, писатель, ученый, подвижникъ, или дѣятель практическій, хозяинъ, чиновникъ; наконецъ чловѣкъ, живущій въ свое удовольствіе, охотникъ, игрокъ: все это мы понимаемъ. Но ученый безъ ученаго званія; писатель, котораго сочиненія рѣдко попадаютъ въ печать; общественный дѣятель безъ должности, и въ тоже время и хозяинъ, и билліардный игрокъ, и охотникъ, и просто веселый, общительный чловѣкъ, въ деревнѣ помѣщикъ, въ городѣ—горожанинъ: какъ это понять, какъ совмѣстить? Не постигая такого въ высшей степени гармоничнаго соединенія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, одни хотѣли видѣть въ Хомяковѣ ученаго, и удивлялись его страсти къ охотѣ; другіе—барина-дилеттанта, и отказывались уразумѣть всю глубину его умственной работы. А между тѣмъ онъ такъ понятенъ: стоить только уяснить себѣ полное отсутствіе въ немъ того, что называется *академизмомъ*, причисленія себя къ какому бы то ни было умственному и общественному цеху. Онъ не былъ ни присяжнымъ ученымъ, ни хозяиномъ по ремеслу, ни завзятымъ охотникомъ: онъ былъ просто Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, который и къ наукѣ, и къ хозяйству, и къ любимой имъ охотѣ прилагалъ данныя ему Богомъ силы; а мѣра достигаемаго имъ въ каждой изъ этихъ областей дѣятельности и жизни зависѣла уже отъ мѣры этихъ вложенныхъ въ него силъ. Но онъ не дробился, а былъ вездѣ одинъ, ровный и цѣльный. Отъ того такъ и понятна была его рѣчь

*) Прекрасно выражаемая Французскимъ словомъ *sérénité*, какъ замѣтилъ намъ одинъ изъ нынѣ живущихъ его друзей.

людямъ простымъ и неученымъ; отъ того и дышетъ она теперь такой неувидаемой свѣжестью: вѣдь форма проходить, жизнь остается.

Широтѣ его интересовъ соотвѣтствовала и широта познаній и почти невѣроятная память. Не говоря уже о наукахъ, стоявшихъ въ близкой связи съ его богословскими и историческими занятіями, онъ интересовался всѣмъ на свѣтѣ: искусство, технология, медицина, во всѣхъ этихъ областяхъ онъ самостоятельно работалъ. То онъ находитъ средство противъ холеры и вылѣчиваетъ имъ тысячи ¹⁾; то посылаетъ въ военное министерство придуманное имъ ружье, и на Лондонскую выставку—своего же изобрѣтенія паровую машину, получившую тамъ патентъ ²⁾. Не успѣвъ развить своего личнаго дарованія въ живописи, онъ превосходно зналъ ея теорію и технику и былъ однимъ изъ основателей Московскаго Училища Живописи, Ваянія и Зодчества. Подъ его же непосредственнымъ надзоромъ были выстроены церкви въ Бюгаровѣ и Кругломъ. Словомъ, въ этомъ человѣкѣ заключалось такое разнообразіе силъ, что С. Т. Аксаковъ имѣлъ право сказать о немъ: «Изъ Хомякова можно выкроить десять человѣкъ, и каждый будетъ лучше его». Теперь говоря о немъ, трудно представить себѣ, какъ могъ онъ успѣть столько сдѣлать и притомъ еще прослыть лѣнливымъ.

О лѣни Хомякова такъ много говорили его близкіе и онъ самъ, что на этой сторонѣ его характера стоить остановиться. Необычайно разнообразная дѣятельность его и поразительная законченность всѣхъ его произведеній потому лишь и были возможны, что въ головѣ его неустанно, можно сказать днемъ и ночью, шла непрерывная умственная работа. Люди видѣли лишь результаты, такъ сказать, концы этой работы, и потому, когда Хомяковъ повидимому ничего не дѣлалъ, упрекали его въ лѣни, не давая себѣ труда сообразить, что вѣдь у обыкновеннаго человѣка (положимъ писателя) всякое произведеніе вырабатывается постепенно, а отъ Хомякова не осталось ни одной черновой рукописи: и стихи, и статьи свои онъ всегда писалъ сразу,

¹⁾ Средство это (чистый деготь пополамъ съ коноплянымъ масломъ) было много разъ испытано нишущимъ это въ холеру 1893 года. Дѣйствіе его поразительно. Въ полномъ развитіи болѣзни одинъ, много два приема тотчасъ останавливаютъ рвоту, быстро ослабляютъ и вскорѣ совсѣмъ прекращаютъ поносъ, а черезъ какіе нибудь полчаса во всемъ тѣлѣ больного проступаетъ теплый потъ. Смертность при этомъ бываетъ ничтожная. Первый приемъ—полстакана смѣси, второй—въ половину первого.

²⁾ Въ этой машинѣ Хомяковъ задаялся мыслью дать непосредственно вращательное движеніе въ замѣнъ примолниейнаго, на переходъ коего во вращательное тратится непроизводительно много силы. Эта машина была имъ названа *Moskowska Rotatory Steam-engine*.

набѣло. Значить ли это, что онъ ихъ не обдумывалъ и не подготовлялъ? Напротивъ, это значить только, что онъ этихъ подготовительныхъ работъ не записывалъ. Сказанное есть не болѣе какъ догадка; но догадка, кажется, довольно правдоподобная.

До самыхъ послѣднихъ лѣтъ жизни Алексѣй Степановичъ, кромѣ нѣкоторой слабости желудка, пользовался хорошимъ здоровьемъ и если хворалъ, то не по долгу. Только въ 1849 году у него болѣли глаза, а въ 1855 онъ чуть не умеръ отъ тифа. Жилъ онъ по городски, то есть ложился и вставалъ очень поздно; но по праздникамъ всегда ходилъ къ обѣднѣ и часто даже къ заутрени. Привычкою къ ночному бодрствованію объясняется частое повтореніе въ его стихахъ, такъ сказать, ночныхъ мотивовъ. Его послѣднее, предсмертное сочиненіе (второе письмо о философіи къ Самарину) начинается съ описанія ночи: «Тому дня четыре, позднимъ вечеромъ, то есть, какъ вы знаете, за полночь, подошелъ я къ окошку. Ночь была необыкновенно ясна; далекая и глубокая даль отрѣзывалась отчетливо противъ ночнаго неба; почти полный мѣсяцъ, ужъ на ущербѣ, плылъ тихо, не слишкомъ высоко надъ землею; недалеко отъ него алмазнымъ огнемъ горѣла планета, кажется Юпитеръ; въ сторонѣ сверкалъ и мигалъ красноватый Сиріусъ, и безчисленное множество звѣздъ покрывало все небо серебряною насыпью. Полюбоваться бы, да и заснуть. Нѣтъ! Тутъ мнѣ пришла мысль, нѣсколько странная, но математически-вѣрная, о которой я и намѣренъ съ вами поговорить. Мнѣ пришла мысль, что вся эта красота, которою я люблюсь, есть уже прошедшее, а не настоящее». Отъ этой мысли Хомяковъ переходитъ къ разсужденію о пространствѣ и времени. Вѣроятно эти немногія страницы разрослись бы въ серьезный философскій трудъ, еслибы смерть не прервала мыслителя на самомъ его началѣ.

Зимою, какъ мы уже не разъ говорили, Хомяковъ всегда жилъ въ Москвѣ, которую любилъ во всѣхъ ея мелочахъ, никогда не забывая ея общаго всенароднаго значенія. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности онъ говоритъ: «Чѣмъ внимательнѣе всмотримся мы въ умственное движеніе Русское и въ отношеніе къ нему Москвы, тѣмъ болѣе убѣдимся, что именно въ ней постоянно совершается серьезный размѣнъ мысли, что въ ней создаются, такъ сказать, формы общественныхъ направленій. Конечно, и великій художникъ, и великій мыслитель могутъ возникнуть и воспитаться въ какомъ угодно углу Русской земли; но составиться, созрѣть, сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ мысль общественная можетъ только здѣсь. Русскій, чтобы сдуматься, столкнуться съ Рус-

скими, обращается къ Москвѣ. Въ ней, можно сказать, постоянно нынче вырабатывается завтрашняя мысль Русскаго общества. Въ этомъ убѣдится всякій, кто только прослѣдитъ ходъ нашего просвѣщенія. Всѣ убѣжденія, болѣе или менѣе охватывавшія жизнь нашу, или проникавшія ее, возникали въ Москвѣ. Этимъ объясняются многія явленія, которыя иначе объяснить не могутъ, напримѣръ то, что иногда человѣкъ, не оставившій послѣ себя никакого великаго труда, никакого памятника своей дѣятельности, пользовался славою во всемъ пространствѣ нашего отечества и дѣйствовалъ прямо или косвенно на строй умовъ и на убѣжденія людей, никогда съ нимъ не встрѣчавшихся въ жизни; или то, что люди, которые сами не трудились на путяхъ словесности, но по своему положенію могли здѣсь содѣйствовать или вредить ея успѣхамъ, получали всеобщую извѣстность, тогда какъ другіе, дѣйствовавшіе на томъ же поприщѣ, но въ иныхъ областяхъ, оставались неизвѣстными никому, кромѣ тѣхъ, съ которыми они находились въ прямыхъ сношеніяхъ; или то, наконецъ, что иногда человѣкъ, ни по занятіямъ, ни по положенію не участвовавшій въ движеніи словесности, получалъ нѣкоторую славу въ краяхъ даже отдаленныхъ отъ Москвы только потому, что около него здѣсь собиралась живая и серіозная бесѣда. Вамъ всѣ эти примѣры извѣстны. Мысль возникаетъ или вырабатывается въ Москвѣ и переносится уже въ другія Русскія области; тамъ, если эта мысль односторонняя, она уже, такъ сказать, донашивается и изнашивается въ тряпье и лохмотья, когда она уже давно брошена и забыта у насъ».

Вспомнимъ его описаніе Кремлевской заутрени на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною
Москва ждала, и часъ святой насталь:
И мощный звонъ раздался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя затрепеталь.
Пѣвучіе, серебряныя громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И, внемля гласъ, ея душъ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ—
Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна.
Мы слушаемъ... Но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются ль упрямые кодына,
Смиряются ль кичливыя умы?
Откроемъ ли радушныя объятія
Для страждущихъ, для меньшей братии всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово--братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй.

Въ Москвѣ создалось личное счастье Хомякова; въ Москвѣ же суждено было ему и утратить его: въ Январѣ 1852 года Катерина Михайловна занемогла тифомъ, осложненнымъ беременностью, и 26 Января въ 11 ч. 30 м. вечера скончалась.

Въ нѣсколько дней, проведенныхъ у ея постели и гроба, Хомяковъ постарѣлъ и измѣнился до неузнаваемости, но мужественно переносилъ горе. Въ письмѣ къ А. Н. Попову онъ говоритъ: «Я много въ душѣ перемѣнился. Дѣтство и молодость ушли разомъ. Жизнь для меня въ трудѣ, а прочее какъ будто во снѣ».

Друзья Хомякова (А. П. Плещеевъ, Кошелевъ, Хитрово, Свербеевъ и другіе) ни на минуту его не покидали. Умирающій Жуковский дрожащею рукою написалъ Алексѣю Степановичу, что молить Бога благословить его. Скоро пріѣхалъ изъ Петербурга Ю. О. Самаринъ. Въ первую же минуту свиданія Хомяковъ сказалъ ему, что онъ принимаетъ смерть жены за наказаніе и испытаніе, ниспосланное ему свыше. Эту же мысль мы находимъ и въ его письмахъ.

Со дня кончины Катерины Михайловны до своего конца Хомяковъ постоянно о ней думалъ. Любимымъ занятіемъ его стало писать на память ея портреты, которые онъ рѣшилъ нарисовать для всѣхъ своихъ дѣтей. Боясь поддерживать въ дѣтяхъ грустное настроеніе, онъ при нихъ крѣпился; но самъ, гдѣ бы ни былъ, вспоминалъ о быломъ. Въ особенности въ деревнѣ каждый шагъ наводилъ его на эти мысли; тоже было при всякомъ писаніи, къ которому она всегда такъ его побуждала. Долго послѣ ея смерти онъ не могъ писать стиховъ и, когда приходила мысль о нихъ, онъ удалялъ ее. Разъ тоже случилось во снѣ; и вотъ явилась Катерина Михайловна и сказала ему: «Не унывай». Послѣ этого онъ могъ опять писать. Онъ самъ рассказываетъ это въ письмѣ къ любимой сестрѣ своей жены, покойной Праксовѣ Михайловнѣ Бестужевой.

Возвращеніе свое къ дѣлу онъ ознаменовалъ стихотвореніемъ «Лазарь»:

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,
И сокрушенъ былъ плѣнь могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.

Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: встань! душъ моей,
И мертвая изъ гроба встанетъ
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей,

И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ —
Тебѣ, сіяню Отчей славы,
Тебѣ, умершему за насъ!

Вскорѣ по кончинѣ Катерины Михайловны Хомякову снова пришлось хоронить близкаго человѣка. Вотъ что пишетъ онъ Попову:

«Только что ударъ палъ мнѣ на голову—новый ударъ, тяжелый для всѣхъ, послѣдовалъ за нимъ. Николинькинъ крестный отецъ, Гоголь нашъ, умеръ. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли; онъ говорилъ, что въ ней для него снова умирають многіе, которыхъ онъ любилъ всей душою, особенно же Н. М. Языковъ. На панихидѣ онъ сказалъ: все для меня кончено. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ какомъ-то нервномъ разстройствѣ, которое приняло характеръ религіознаго помѣшательства. Онъ говѣлъ и сталъ себя морить голодомъ, попрекая себѣ въ обжорствѣ. Иноземцевъ не понималъ его болѣзни и тѣмъ довелъ его до совершеннаго изнеможенія. Въ Субботу на масляницѣ Гоголь былъ еще у меня и ласкалъ своего крестника. Въ Субботу или Воскресенье на первой недѣлѣ онъ былъ уже безъ надежды, а въ Четвергъ на нынѣшней недѣлѣ кончилъ. Ночью съ Понедѣльника на Вторникъ первой недѣли онъ сжегъ въ минуту безумія все, что написалъ. Ничего не осталось, даже ни одного черноваго лоскутка. Очевидно судьба. Я бы могъ написать объ этомъ психологическую студию; да кто пойметъ, или кто захочетъ понять? А сверхъ того и печатать будетъ нельзя. Послѣ смерти его вышла распря. Друзья его хотѣли отпѣвать его въ приходѣ, въ церкви, которую онъ очень любилъ и всегда посѣщалъ, Симеона Столпника. Университетъ же спохватился, что когда-то далъ ему дипломъ почетнаго члена, и потребовалъ къ себѣ. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотѣли, рѣшили участь его тѣла противъ воли его друзей и духовныхъ братій, и приходъ, общее всѣхъ достояніе, долженъ былъ уступить домовою церкви, почти салону, куда не входитъ ни нищій, ни простолюдинъ. Многозначительное дѣло. Эти сожженные произведенія, эта борьба между пустымъ обществомъ, думающимъ только объ эффектахъ, и серьезнымъ направленіемъ, которому Гоголь посвящалъ себя, борьба рѣшенная въ пользу Грановскихъ и Павловыхъ и прочихъ городскимъ начальствомъ: все это какой-то живой символъ. Мягкая душа художника не умѣла быть довольно строгою, строгость свою обратила на себя и убила тѣло. Бѣдный Гоголь! Для его направленія нужны были нервы желѣзные. Ляжетъ онъ все таки рядомъ съ Валуевымъ, Языковымъ и Катенькой и со временемъ со мною въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Славянскою колонною Венелина. Такъ и надобно было».

Мы сказали, что горе не обезсилило Хомякова, а лишь, отнявъ у него, по его собственнымъ словамъ, всю *прелесть* жизни, направило всѣ силы его души на довершеніе *подвига* жизни. Нѣсколько позже самъ онъ сказалъ:

Подвигъ есть и въ сраженьи,
 Подвигъ есть и въ борьбѣ;
 Высшій подвигъ—въ терпѣннѣ,
 Любви и мольбѣ.
 Если сердце заняло
 Передъ злобой людскою,
 Иль насилье схватило
 Тебя цѣпью стальной;
 Если скорби земныя
 Жаломъ въ душу впились,—
 Съ вѣрой бодрой и смѣлой
 Ты за подвигъ берись.
 Есть у подвига крылья,
 И взлетишь ты на нихъ,
 Безъ труда, безъ усиля,
 Выше мраковъ земныхъ,
 Выше крыши темницы,
 Выше злобы слѣпой,
 Выше воплей и криковъ
 Гордой черни людскою.

Вдохновеніе вѣры, наука разума, опытъ жизни и огонь страданія соединились теперь вмѣстѣ и подняли духъ его на ту высоту, на которой уже ничто не заслоняло широкаго кругозора мысли и съ которой она, завершивъ свой постепенный ростъ, могла выразиться въ своей полнотѣ. Въ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни Хомяковъ написалъ больше, чѣмъ во все предшествовавшее время. Ему уже мало приходилось заниматься своимъ систематическимъ трудомъ: чувствуя, что жить остается немного, онъ спѣшилъ высказаться по всѣмъ волновавшимъ его вопросамъ; спѣшилъ, какъ самъ гдѣ-то выразился, вырабатывать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку, то есть выяснить весь кругъ намѣченныхъ имъ и его сотрудниками началъ въ вѣрѣ и знаніи. Все, что такъ долго создавалось въ его умѣ, теперь быстро ложилось на бумагу. Кромѣ множества разнообразныхъ статей, кромѣ чудныхъ стиховъ, которыми онъ отзывался на волненія текущей общественной жизни, онъ въ это время написалъ всѣ свои богословскія сочиненія, за исключеніемъ своего катихизиса «Церковь одна», составленнаго въ сороковыхъ годахъ. Первая богословская его статья «Нѣсколько словъ Православнаго христіанина о западныхъ исповѣданіяхъ» была написана на Французскомъ языкѣ по поводу критики Лоранси (Laurentie) на статью Ѳ. И. Тютчева «Папство и Римскій вопросъ», напечатанную въ 1850 году въ *Revue des deux Mondes*. Свою статью Хомяковъ издалъ за границей такъ же, какъ и двѣ послѣдующія.

Эти три статьи, вмѣстѣ съ нѣсколькими меньшими, составляютъ цѣльный полемическій трудъ—цѣлый, рѣшаемся сказать, *подвигъ исповѣ-*

данія. Въ первый еще разъ *новый* Западъ (Западъ XIX вѣка) услыхалъ *такой* голосъ Русскаго православнаго богослова, прямо къ нему обращенный; голосъ, ничего не замалчивающій и не смягчающій, но спокойный, чуждый страсти и полемическаго увлеченія, проникнутый горячею, истинно-христіанскою любовью. Заканчивая третью свою статью, Хомяковъ обращается къ своимъ Западнымъ читателямъ съ такимъ признаніемъ: «Трудъ, который я предпринялъ и на который смотрю, какъ на исполненіе долга передъ Богомъ и передъ вами, читатели и братья, былъ для меня довольно тягостенъ. Смущало не употребленіе иностраннаго языка и не трудность показать превосходство началъ Церкви передъ началами раскола; я не думалъ удивлять краснорѣчіемъ и хорошо зналъ, что достаточно было простого изложенія церковной доктрины, чтобъ убѣдить добросовѣстныхъ читателей въ ея строгой послѣдовательности и величавой гармоніи. Но мнѣ была тягостна необходимость говорить о Спасителѣ и о Его неизглаголанномъ совершенствѣ, о вѣрѣ и ея тайнахъ, какъ о темахъ научнаго спора. Богъ мнѣ свидѣтель, что не такъ бы желалъ я говорить съ вами объ этихъ предметахъ; но это было неизбѣжно.—Богъ, во время Имъ опредѣленное, приведетъ снова Европейскія племена въ лоно Церкви. Къ совершенію этого святаго предначертанія призваны будутъ люди лучше меня, люди болѣе исполненные любви; но, можетъ быть, и логическій трудъ, мною оконченный, окажется не совсѣмъ бесполезнымъ, какъ трудъ приготовительный. Мѣстами онъ вамъ покажется сухимъ и суровымъ; не сѣтуйте за это на меня, читатели и братья. Труженику, бросающему плодоносное сѣмя, предшествуетъ желѣзное рало, раздражающее почву, подсѣкающее сорныя травы и проводящее борозду. Но, можетъ быть, и теперь найдутся души избранныя, въ которыхъ зародышъ жизни, положенный Св. Писаніемъ, чтеніемъ отцевъ и въ особенности благодатью Божіею, дремлетъ подъ слоємъ наслѣдственныхъ заблужденій и, подобно зерну, которому кора безплодной земли мѣшаетъ прозябнуть, ждетъ лишь прохода плуга, чтобы произвести плоды угодные Богу. Читатели и братья! Если таковые между вами найдутся, то я прошу ихъ, во имя той любви, которую каждый обязанъ питать къ истинѣ, къ своимъ братьямъ и къ своему Спасителю, не останавливаться на тѣхъ особенностяхъ моего труда, въ которыхъ могли отразиться мои личные недостатки, но извѣсить сказанное мною серьезно и внимательно *)».

*) Выдержки изъ сочиненій Хомякова, написанныхъ по-французски, приводятся нами въ переводѣ, напечатанномъ въ Собраніи его сочиненій и принадлежащемъ Н. П. Гилярову-Платонову и Ю. О. Самарину.

Мы только что сказали, что появленіе богословскихъ сочиненій Хомякова было ближайшимъ образомъ вызвано ви́шнимъ обстоятельствомъ: прочтеніемъ статьи Лоранси. Подобнымъ же образомъ облегченіе цензурныхъ стѣсненій въ послѣдніе годы жизни Алексѣя Степановича побудило его къ написанію многихъ статей, которыя ранѣе не могли бы быть напечатаны. Но все это были *поводы*; внутренняя же *причина* видимой плодотворности послѣднихъ лѣтъ жизни Хомякова сравнительно съ прежними, какъ мы указали выше, лежала въ немъ самомъ. И вотъ онъ выходитъ изъ тѣснаго круга семьи, гдѣ уже не было его любимой собесѣдницы, и изъ нѣскольکو болѣе широкаго круга друзей. Съ этого собственно времени начинается для Хомякова болѣе живой и широкій обмѣнъ мыслей. Онъ самъ сознавалъ, что смерть жены наложила на него обязанность болѣе неустанной работы, и въ письмѣ къ П. М. Бестужевой говоритъ: «Я знаю, я увѣренъ, что мнѣ смерть ея была нужна; что она, хотя и наказаніе, въ тоже время послана мнѣ для исправленія и для того, чтобы жизнь, лишенная всего, что ее дѣлало отрадною, была употреблена только на занятія и мысли серьезные».

Между тѣмъ во ви́шнемъ мірѣ творились знаменательныя событія и готовились еще болѣшія. Россія переживала тяжелое время. Революціонное движеніе, охватившее въ 1848 году Западную Европу, напугало нашихъ правительственныхъ дѣятелей и вызвало рядъ мѣропріятій, стѣснившихъ до нельзя и безъ того гонимую общественную мысль и слово; а такъ какъ Славянофилы давно были въ подозрѣніи у начальства, то они первые и почувствовали тяжесть этихъ стѣсненій. Въ этомъ году, говоря въ письмѣ къ Попову о Москвѣ и ея государственномъ значеніи, Хомяковъ пишетъ: «Въ ней сосредоточивается и выражается сила историческая, сила преданія, сила устойчивости общественной; но этой силѣ нужно выраженіе, этому выраженію нужна свобода, хотя бы въ свободѣ и проглядывало какое нибудь повидимому оппозиціонное начало. Эта мнимая оппозиція есть истинное и единственное консерваторство. Пусть этому началу положить совершенную преграду, пусть отнять всякую возможность выраженія у этой силы преданія и общественной устойчивости; пусть заморять ее совершеннымъ молчаніемъ (ибо молчаніе есть смерть силы духовной), и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ пусть поищутъ съ фонаремъ живой силы охранной—и не найдутъ». Черезъ шесть лѣтъ онъ пишетъ къ тому же Попову: «Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемаѣ подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть

Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ двѣнадцатому году. И такъ будетъ опять, ибо мы мыслию выше. А впрочемъ, можетъ быть, Богъ избавить отъ Тильзита. Одно страшно: пять лѣтъ, увы! еще не кончившагося самохваленія, противнаго Богу и чуждаго народному духу».

Время, дѣйствительно, было великое и страшное: шла осада Севастополя...

Черезъ годъ сошелъ въ могилу Государь Николай Павловичъ. Хомяковъ пишетъ къ Попову: «Смерть доказала нравственную правоту человѣка, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ вы сами знаете, и винилъ не лицо, а систему и насъ всѣхъ». Черезъ пять лѣтъ, въ посланіи «къ Сербамъ» Хомяковъ пишетъ: «Теперь узнали мы тщету нашего самообольщенія; теперь освобождаемъ мы своихъ поработченныхъ братьевъ, стараемся ввести правду въ судъ и уменьшить развратъ въ народныхъ нравахъ. Дай Богъ, чтобы дѣло нашего покаянія и исправленія не останавливалось, чтобы доброе начало принесло добрый плодъ въ нашемъ духовномъ очищеніи и чтобы мы познали навсегда, что любовь, правда и смиреніе одни только могутъ доставить народу, такъ же какъ и человѣку, милость отъ Бога и благоволеніе отъ людей». Въ одномъ изъ писемъ къ графинѣ Блудовой Хомяковъ говоритъ: «Вообще, если можно характеризовать то, что я считаю нашею общеою болѣзнію, однимъ словомъ, я бы ее назвалъ усыпленіемъ совѣсти во всѣхъ. Иногда она и просыпается, но почти всегда съ просонокъ не туда пойдетъ, куда слѣдуетъ».

Слабо было въ Русскомъ обществѣ сознаніе задачъ Россіи... И вотъ въ 1854 году Хомяковъ обратился къ своей родинѣ съ такимъ словомъ вразумленія:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судить строго,
А на тебѣ, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, жи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

О, недостойная избрапья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя слезою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой.

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, сокрытою въ пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совѣсти растѣпной
Елеемъ плача исцѣли.

И встань тогда, вѣрна призванью
И бросься въ пылъ кровавыхъ слѣдъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ—то Божій мечъ!

Нечего и говорить, что стихотвореніе это не могло быть напечатано. Хомякова чуть не выслали за него изъ Москвы.

VIII.

Новое царствованіе.—Русская Бесѣда.—Крестьянскій вопросъ.—Дѣло Хомякова въ его собственномъ сознаніи.—Смерть друзей и матери.—Кончина Хомякова.—Отзывы о немъ.

Съ наступленіемъ новаго царствованія и Славянофилы могли, наконецъ, вздохнуть свободнѣе. Кошелевъ получилъ разрѣшеніе на изданіе журнала «Русская Бесѣда». Предисловіе къ ней было написано Хомяковымъ. Въ немъ онъ ясно и твердо высказалъ стремленія свои и своихъ сотрудниковъ и свой взглядъ на обязанности и задачи просвѣщеннаго Русскаго человѣка. «Русскій духъ создалъ самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемѣ; ибо это дѣло не плоти, а духа Русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общежительности въ тѣсныхъ предѣлахъ; Русскій духъ понялъ святость семьи и поставилъ ее, какъ чистѣйшую и незыблемую основу всего общественнаго зданія; онъ выработалъ въ народѣ всѣ его нравственныя силы, вѣру въ святую истину, терпѣніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дѣла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свѣтомъ Православія. Теперь, когда мысль окрѣпла въ знаніи, когда самый ходъ исторіи, раскрывающій тайныя начала

общественныхъ явленій, обличилъ во многомъ ложь Западнаго міра и когда наше сознаніе оцѣнило (хотя, можетъ быть, еще не вполне) силу и красоту нашихъ истинныхъ началъ, намъ предстоитъ снова пересмотрѣть всѣ тѣ положенія, всѣ тѣ выводы, сдѣланные Западною наукою, которымъ мы вѣрили такъ безусловно; намъ предстоитъ подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвѣщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началъ и тѣмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ тоже время на насъ лежитъ обязанность разумно усвоивать себѣ всякой новый плодъ мысли Западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не оказаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаетъ на насъ обязанность стремиться къ первому мѣсту въ рядахъ просвѣщающагося человѣчества».

До конца существованія «Русской Бесѣды», совпавшаго и съ его концомъ, Хомяковъ былъ самымъ дѣятельнымъ ея сотрудникомъ.

Наконецъ, наступило время разрѣшенія и того вопроса, который уже давно былъ задушевною его думою, вопроса крестьянскаго. Тяжелѣе иго крѣпостнаго права, развращавшее помѣщиковъ еще болѣе, чѣмъ крестьянъ, и необходимость выхода изъ этихъ одряхлѣвшихъ историческихъ оковъ никогда не переставали заботить Хомякова. Еще въ 1842 году, по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ напечаталъ въ «Москвитинѣ» двѣ статьи «О сельскихъ условіяхъ» и затѣмъ всю жизнь стремился и успѣлъ во всѣхъ своихъ деревняхъ (кроме новокупленной Рязанской) заключить съ крестьянами *ряды* или договоръ, основанный на совершенно-свободномъ соглашеніи. Эти ряды были любимымъ его дѣтищемъ. Вместе съ тѣмъ онъ не переставалъ доказывать необходимость общаго освобожденія крестьянъ съ землею по всей Россіи. Въ 1848 году, по поводу записки Самарина объ устройствѣ Лифляндскихъ крестьянъ, Хомяковъ въ письмѣ къ нему, между прочимъ, говоритъ: «Для насъ, Русскихъ, теперь одинъ вопросъ всѣхъ важнѣе, всѣхъ настойчивѣе. Вы его поняли и поняли вѣрно. Давно уже ношусь я съ нимъ и старался его истинный смыслъ выразить, елико возможно, ясно. Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ съ наибольшою ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ, одинаково-крѣпкихъ и священныхъ: права наследственнаго на собственность и такого же права наследственнаго на пользованіе. Въ болѣе абсолютномъ смыслѣ, въ частныхъ случаяхъ, право собственности истинной и безусловной не существуетъ: оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (въ великой общинѣ), какава бы ни была его форма. Можно доказать, что это общая мысль всѣхъ государствъ, даже Евро-

пейскихъ. Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ. По исторіи старой Руси можно, кажется, доказать, что таково было значеніе даже княжеской собственности; по крайней мѣрѣ, поземельная наша собственность (пользованіе въ отношеніи къ государству) есть собственность въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ и слѣд. къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право пользованія наслѣдственнаго; дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ, и подчиненностью другому началу—общинѣ. Таково отношеніе юридическое, вышедшее изъ обычая или создавшее обычай; и кто хочетъ этому отношенію нанести ударъ, тотъ хочетъ возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа, а теперь только объ этомъ и хлопочутъ. Не позволительно намъ молчать и, признаюсь, я ожидаю отъ васъ изложенія этого начала».

Въ слѣдующемъ году, въ письмѣ къ Кошелеву, Хомяковъ подробно разбираетъ особенности сельской общины, доказывая ея совмѣстимость съ улучшеніемъ земледѣлія въ смыслѣ хозяйственномъ, болѣе всего, важность общиннаго устройства въ отношеніи нравственномъ и бытовомъ. «Община, говоритъ онъ, есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей Русской исторіи. Отини его, не останется ничего; изъ его же развитія можетъ развиваться цѣлый гражданскій міръ». — «Мнѣ извѣстны до сихъ поръ, пишетъ онъ далѣе, въ нерусской Европѣ только двѣ формы сельскаго быта: одна Англійская, сосредоточеніе собственности въ немногихъ рукахъ, другая Французская послѣ революціи, безконечное дробленіе собственности. Всѣ прочія формы относятся къ этимъ двумъ какъ степени переходныя, еще не дошедшія до своего крайняго развитія. Первая очень выгодна для сельскаго хозяйства и усиливаетъ до невѣроятности массу богатства, напрягая уметвенныя способности селянина посредствомъ конкуренціи въ наймѣ и бросая сильные капиталы на опытное усовершенствованіе земледѣльческой практики. Вотъ ея достоинство; но за то самая конкуренція, безземеліе большинства и антагонизмъ капитала и труда доводятъ въ ней, по необходимости, язву пролетарства до безчеловѣчной и непремѣнно разрушительной крайности. Въ ней страшныя страданія и революціи впереди.—Вторая форма, Французская, дробленіе собственности, невыгодна для хозяйства, замедляетъ его развитіе и во многихъ случаяхъ (именно тамъ, гдѣ нужны значительныя силы для побѣжденія какой-нибудь преграды) дѣлаетъ его совершенно невозможнымъ; но это неудобство считаю я не слишкомъ значительнымъ въ сравненіи съ выгодами дробней собственности. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе этой системы во Франціи удалаетъ, а можетъ быть

даже отстраняетъ навсегда, нашествіе пролетарства; ибо оно мало извѣстно въ сельскомъ быту Франціи и является только въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ слишкомъ неблагодарныхъ мѣстностяхъ. Нищета есть принадлежность городовъ Французскихъ, а не сель. Но за то эта форма имѣетъ другой существенный недостатокъ, который въ государственномъ отношеніи не лучше пролетарства: это полная разъединенность. Таковъ результатъ во Франціи современной по свидѣтельству самихъ Французовъ; таковъ будетъ онъ непременно вездѣ. Разъединенность же есть полное оскудѣніе нравственныхъ началъ; а замѣтъ, что оскудѣніе нравственныхъ началъ есть въ тоже время и оскудѣніе силъ умственныхъ. Отъ этого въ нищенствующихъ селахъ Англіи возстаютъ безпрестанно сильные умы, которыхъ дѣятельность отзывается на всю Англію; а въ поляхъ (селами ихъ назвать нельзя) Франціи человѣкъ такъ слабъ и глупъ, что отъ него не добьется общество ни одной мысли. Онъ просто нѣмой: отъ него ни слуха, ни послушанія, по Русской поговоркѣ. Конечно я не возстаю противъ собственности, ни противъ ея эгоизма; но говорю, что если кромѣ эгоизма собственности ничто недоступно человѣку съ дѣтства, онъ будетъ окончательно не то, чтобы дурной человѣкъ, а безнравственно-тупой человѣкъ, онъ одурѣетъ. Слышать только объ дѣлѣ общемъ и потомъ въ немъ участвовать, слышать съ дѣтства судъ и расправу, видѣть, какъ эгоизмъ человѣка становится безпрестанно лицомъ къ лицу съ нравственною мыслию объ общемъ, о совѣсти, о законѣ обычномъ, вѣрѣ, и подчиняться этимъ высшимъ началамъ, это—истинно-нравственное воспитаніе, это просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ, это развитіе не только нравственности, но и ума. И такъ община столько же выше Англійской формы, которой бѣдствія она устраняетъ, сколько и Французской, которая, избѣгая бобыльства физическаго, вводитъ бобыльство духовное и даетъ городамъ такой огромный и гибельный перевѣсъ надъ селомъ». Наконецъ, касаясь положенія помѣщика, Хомяковъ говоритъ: «Объ насъ и объ нашемъ отношеніи къ общинѣ покуда я не говорю. Со временемъ мы сростемся съ нею. Но какъ? Этого рѣшить нельзя. Смѣшно было бы взять на себя все предвидѣть. Право приобрѣтать собственность, данное крестьянину, не нарушаетъ общины. Личная дѣятельность и предприимчивость должны имѣть свои права и свой кругъ дѣйствія; довольно того, что онъ будетъ всегда находить точку опоры въ сельскомъ мірѣ и что въ немъ же или черезъ него они будутъ мириться съ общественностью, не вырастая никогда до эгоистической разъединенности. Тоже вѣроятно будетъ и съ нами. Но это еще впереди и какъ Богъ дастъ! Допустимъ начало, а оно само себя создастъ просторъ».

«Первый высочайшій рескрипт обрадовал Хомякова, какъ ранній благовѣстъ, возвѣщающій наступленіе дня послѣ долгой, томительной ночи», говоритъ Ю. О. Самаринъ въ статьѣ «Хомяковъ и крестьянскій вопросъ». Когда начались подготовительныя работы Редакціонныхъ Коммиссій, онъ не былъ въ нихъ призванъ... Онъ написалъ подробное письмо Я. И. Ростовцеву, въ которомъ доказывалъ вредъ временно-обязанныхъ отношеній и предлагалъ цѣлый проектъ единовременнаго выкупа. На это письмо также не было обращено должнаго вниманія. Алексѣй Степановичъ высказывалъ сильное безпокойство за вполне успѣшное устроеніе крестьянскаго дѣла. Послѣдствія показали, насколько онъ былъ правъ.

Хомякову было пятьдесятъ четыре года. Онъ еще былъ полонъ силъ умственныхъ и тѣлесныхъ; но смутное предчувствіе говорило ему, что часъ его близокъ. И вотъ онъ оглядывается на то, что было сдѣлано и что предстояло еще совершить. Значеніе собственной дѣятельности и дѣятельности его сотрудниковъ всегда было ему ясно. Еще въ 1845 году онъ писалъ Самарину: «Мы должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полѣтья есть дѣло не только Русское, но и всемірное». Ему же писалъ онъ теперь: «Мы передовые; а вотъ правила, котораго въ исторіяхъ нѣтъ, но которое въ исторіи несомнѣнно: передовые люди не могутъ быть двигателями *своей* эпохи; они движутъ слѣдующую, потому что современные имъ люди еще не готовы. Развѣ къ старости иной счастливецъ доживетъ до начала проявленія своей собственной, долго носимой мысли».

Хомяковъ не былъ такимъ счастливцемъ; но онъ не падалъ духомъ и бодро шелъ впередъ, говоря о себѣ:

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенія силъ,
Довольно, нахаръ терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окружень,
Боролся крѣпкой я борьбою:
Я утомлень, я утомлень.

Пора на отдыхъ. О дубравы,
О тишина полей и водъ
И надъ оврагами кудрявый,
Вѣтвей склоняющихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной
Вдохнуть вечернюю струю.

Стереть бы потъ дневного зноя,
Стригнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!...
Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха, впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня пемного впереди;
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога!
Господь велить—иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною:
Крестомъ и кровью купленъ ты;
Сгибайся же, пахарь, надъ браздою,
Борись, борецъ, до поздней тьмы!

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челою;
А Ты безумнаго роптанья
Не помани въ судъ Твоемъ!

Иду свершать въ трудъ и потъ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотъ
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего!

Многихъ близкихъ предстояло ему еще проводить въ могилу прежде, чѣмъ сойти въ нее самому. Въ 1856 году умеръ И. В. Киреевскій. Хомяковъ вполне оцѣнилъ тяжесть этой утраты для Русскаго просвѣщенія. Смерть застала Киреевскаго на самомъ началѣ предпринятаго имъ обширнаго философскаго труда. «Какое-то особенно строгое испытаніе нашему направленію, пишетъ Хомяковъ Кошелеву: какъ будто опытъ нашего терпѣнія и постоянства. Рѣдѣетъ кругъ нашъ, жизнь обращается для каждаго какъ будто въ воспоминаніе. Подвигъ становится все строже и строже. Видно, такъ надобно». Потеря Киреевскаго была вознаграждаема. Между тѣмъ какъ остальные ближайшіе сотрудники Хомякова, К. С. Аксаковъ, Ю. Э. Самаринъ и другіе, всѣ болѣе или менѣе воспитались подъ его воздѣйствіемъ, Иванъ Васильевичъ Киреевскій дошелъ до своихъ убѣжденій путемъ совершенно самостоятельнымъ. Въ особенности въ вопросахъ философскихъ онъ былъ не ученикомъ, а мастеромъ, почти равносильнымъ самому Хомякову, если вообще допустима сравнительная оцѣнка дарованій и заслугъ въ такой области. Это всегда понималъ Алексѣй Степановичъ и глубоко чувствовалъ потерю такого соратника. Отношеніе его къ трудамъ Киреевскаго ясно видно изъ двухъ посвященныхъ имъ статей.

За И. В. Киреевскимъ послѣдовалъ его неразлучный спутникъ-братъ. Вокругъ Алексѣя Степановича не оставалось почти никого изъ ближайшихъ его друзей: однихъ не стало, другіе ушли на практическое дѣло. Но общеніе съ людьми, проповѣдь, споръ были для него необходимы. Въ послѣдніе годы жизни мы видимъ его то въ состязаніяхъ съ раскольниками въ Кремлѣ, то въ частыхъ спорахъ съ университетскою молодежью, особенно съ представителями крайнихъ мнѣній среди нея, каковы были въ то время Рыбниковъ, Козловъ и нѣкоторые другіе.

Въ Іюлѣ 1857 года скончалась мать Хомякова. «Въ домѣ и жизни все какъ-то становится мертвѣе и темнѣе, пишетъ онъ графу А. П. Толстому; впрочемъ это хорошо, чтобы самому своей очереди легче было ждать».

Въ 1858 году умеръ художникъ А. А. Ивановъ, на котораго Хомяковъ всегда возлагалъ надежду и о картинѣ котораго, уже послѣ его смерти, написалъ статью. Вскорѣ послѣ Иванова умеръ молодой Н. В. Шеншинъ, близкій и дорогой Алексѣю Степановичу. Очередь была за нимъ.

Не въ Москвѣ, не въ Боучаровѣ у своего семейнаго очага, въ кругу дѣтей, суждено было ему закрыть глаза. Въ Сентябрѣ 1860 года поѣхалъ онъ со старшимъ сыномъ въ свое Рязанское имѣніе, село Ивановское, въ округѣ котораго была холера. За нѣсколько дней Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ уѣхалъ оттуда, оставивъ отца совершенно здоровымъ... Продолжаемъ словами Леонида Матвѣевича Муромцева, единственнаго, кромѣ прислуги, свидѣтеля его послѣднихъ минутъ:

23-го Сентября въ 8 часовъ утра пріѣхалъ ко мнѣ посланный съ извѣстіемъ, что Алексѣй Степановичъ заболѣлъ холерой. Я наскоро захватилъ съ собою лѣкарства, которыми довольно успѣшно лѣчилъ въ околоткѣ, и съ тяжелымъ предчувствіемъ на сердцѣ поскакалъ въ Ивановское. Въ 9 час. я взшелъ въ комнату къ больному. Онъ лежалъ лицомъ къ свѣту, а потому страшные слѣды болѣзни сразу бросились мнѣ въ глаза. «Что съ вами, Алексѣй Степановичъ?» спросилъ я у него, стараясь придать моимъ словамъ и твердость, и спокойствіе.—«Да ничего особеннаго: приходится умирать. Очень плохо. Странная вещь! Сколько я народу вылѣчилъ, а себя вылѣчить не могу». И все это было сказано слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, свойственнымъ всѣмъ холернымъ. Но въ этомъ голосѣ не было и тѣни сожалѣнія или страха, но глубокое убѣжденіе, что нѣтъ исхода. Лишнимъ считаю пересчитывать, сколько десятковъ разъ я его умолялъ принять моего лѣкарства, послать за докторомъ и, слѣдовательно, сколько разъ онъ отвѣчалъ отрицательно и при этомъ самъ вынималъ изъ походной

гомеопатической аптеки то *veratrum*, то *mercurium*. Дня два передъ роковымъ 23-мъ числомъ Алексѣй Степановичъ уже страдалъ разстройствомъ желудка; не обращая вниманія на этотъ недугъ, онъ ѣздилъ 21-го въ Лебедянь, 22-го былъ въ полѣ, а въ ночь съ 22-го на 23-е до двухъ часовъ писалъ письма. Въ 3-мъ часу онъ легъ спать и приказалъ человѣку приготовить къ утру горчичникъ, собираясь ѣхать со мною въ засѣданіе Лебедянского Общества. Въ шестомъ часу онъ разбудилъ людей: болѣзнь разразилась въ полной силѣ. Въ 9-ть часовъ^{*} когда я пріѣхалъ въ Ивановское, главные припадки нѣсколько уменьшились, оставивши по себѣ признаки отчаяннаго положенія: изнуренное лицо, холодный потъ, сильно измѣнившійся голосъ, неимоверную слабость. Около часу пополудни, видя, что силы больного утрачиваются, я предложилъ ему собороваться. Онъ принялъ мое предложеніе съ радостной улыбкой, говоря: «Очень, очень радъ». Во все время совершенія таинства, онъ держалъ въ рукахъ свѣчу, шопотомъ повторялъ молитву и творилъ крестное знаменіе. Спустя нѣкоторое время онъ принялъ нѣсколько капель моего лѣкарства, вмѣсто цѣлой рюмки, которую я ему предлагалъ. Часа въ три, при усилии встать съ постели (хотя насъ трое его поддерживали), онъ впалъ въ сильный обморокъ. Ошибочно принявши это за агонію, я попросилъ священника читать отходную. Мнѣ, кажется, что этого онъ и не слышалъ, и не замѣтилъ; ибо, очнувшись минутъ черезъ десять, онъ меня увѣрялъ, что крѣпко заснулъ. «Не нужно ли вамъ мнѣ передать чего-нибудь? Богъ милостивъ, вы выздоровѣете; но выздоровленіе ваше будетъ продолжительно». — «Не могу говорить», отвѣчалъ онъ мнѣ: «очень тяжело». Разумѣется, послѣ этого отвѣта я уже не сталъ его беспокоить и тревожно ждалъ, что Богъ дастъ. Часовъ до шести не было замѣтно особенной перемѣны. Въ началѣ 7-го часа, безпрестанно прикладывая руку къ его рукѣ, къ его ногамъ, я вдругъ замѣтилъ, что онъ сдѣлался легче и влажнѣе. Немедленно стали мы его растирать сильнѣе прежняго и обложили горчичниками. Черезъ полчаса теплый потъ пробился на бокахъ, на шеѣ и на спинѣ; ноги согрѣлись; пульсъ, совершенно исчезнувшій съ самого утра, началъ показываться, однѣ только руки оставались холодными, какъ ледъ. Все какъ будто шло къ лучшему, и я началъ надѣяться. Въ это время жена моя прислала узнать о здоровьи Алексѣя Степановича. Я хотѣлъ отойти отъ постели, но онъ меня удержалъ и спросилъ, куда я иду. «Посылаю добрую вѣсточку. Слава Богу, вамъ лучше». — «Faites vous responsable de cette bonne nouvelle: je n'en prends pas la responsabilité» *), сказалъ онъ

*) Отвѣчайте сами за эту добрую вѣсть: я не беру на себя отвѣта за нее.

почти шутя. «Право, хорошо; посмотрите, какъ вы согрѣлись, и глаза посвѣтлѣли». — «А завтра какъ будутъ свѣтлы!» Это были его послѣднія слова. Онъ ясенѣ нашего видѣлъ, что всѣ эти признаки казавшагося выздоровленія были лишь послѣднія усилія жизни. Въ 7^{1/2} часовъ дыханіе его стало тяжко. Я не спускалъ съ него глазъ. Въ 7^{3/4} вечера его не стало, а за нѣсколько секундъ до кончины, твердо и вполне сознательно, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ¹⁾.

Немноголюдны были похороны Хомякова. На этотъ разъ общество не проявило обычнаго своего лицемѣрія: не хотѣвъ знать живаго, не стало выхвалять мертваго. Но нашлись и люди, понявшіе размѣръ понесенной утраты.

Не стало человѣка, тридцать лѣтъ будившаго Русскую народную совѣсть, человѣка, уяснивашаго Россіи ея вѣру, призваніе, примирившаго ее со стариною. Не стало того, кто положилъ начало многому доброму, что съ тѣхъ поръ возникло и еще будетъ возникать въ Россіи.

Общество Любителей Россійской Словесности, котораго Хомяковъ въ послѣднее время своей жизни былъ предсѣдателемъ, посвятило его памяти засѣданіе 6-го Ноября. П. И. Бартеневъ прочелъ воспоминаніе о немъ—единственный до сихъ поръ, хотя и краткій, біографическій очеркъ. Въ повременныхъ изданіяхъ появились некрологи: въ «Русскомъ Вѣстникѣ» М. Н. Лонгинова, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Н. О. Щербины, и въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» А. О. Гильфердинга. Въ Петербургскомъ Университетѣ К. А. Коссовичъ посвятилъ памяти Хомякова цѣлую лекцію, въ которой онъ съ обстоятельностью ученаго и съ горячею любовью друга очертилъ общественное значеніе своего покойнаго наставника. Помянули Хомякова и за рубежомъ. Въ *Edinburgh Review* 1864 года читаемъ: «We cannot doubt that there will arise in the Church of Russia some who may still carry on the echo of those marvellous letters of the Christian Orthodox, in which the lamented Khomiakoff poured forth his aspirations after the future through a union of tenacious adherence to ancient Ophodoxy with a firm confidence in the results of biblical criticism and christian charity, such as we have never seen surpassed»¹⁾.

¹⁾ Переводъ. Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что въ Русской Церкви возстанетъ кто-нибудь, кто еще поддержитъ отголосокъ тѣхъ чудныхъ писемъ православнаго христіанина, въ которыхъ оплакиваемый нами Хомяковъ выразилъ свои надежды на будущее, соединивъ столько приверженности къ древнему Православію съ твердою вѣрою въ выводы библейской критики и съ христіанскимъ милосердіемъ, коихъ на нашихъ глазахъ никто не превзошелъ.

Но все же смерть Хомякова прошла почти незамѣченною. Иначе и быть не могло: брошенные имъ сѣмена еще не успѣли тогда взойти. Съ тѣхъ поръ идетъ четвертое десятилѣтіе.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ лежитъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ, подъ однимъ памятникомъ со своею женою, имъ самимъ еще поставленномъ, со словами псалма: «Аще беззаконія назириши, Господи, Господи, кто постоитъ?» ¹⁾ Къ этому тексту послѣ его кончины прибавленъ другой: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды». На памятникахъ кругомъ имена Валуева, Языкова, Гоголя, Самарина, Кошелева, князя Черкаскаго и многихъ другихъ, памятныхъ Москвѣ и Россіи.

Неотразимо дѣйствуетъ на душу эта нива смерти, сокрывшая останки людей, которыми возродилась Русская жизнь. Невольно вспоминаются ихъ сотрудники: Аксаковы, отецъ и сынъ, тутъ же, недалеко, подъ Симоновымъ, третій, послѣдній Аксаковъ—у Троицы, и въ дальней Оптиной Пустынѣ—братья Киреевскіе...

Дружнымъ, неустаннымъ подвигомъ добра подвизались всю жизнь свою эти достопамятные люди, не теряя бодрости передъ ледянымъ равнодушіемъ общества, не чая себѣ слова благодарности отъ тѣхъ, кому несли они свѣтъ истины, зная, что не увидать имъ плодовъ тяжелаго труда своего. Костями легли они на полъ брани духовной, по слову вождя своего—

Чтобъ страданьями свободы
Покупалась благодать,
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко дучь съ Востока
Грѣшетъ влажный тукъ полей ²⁾.

¹⁾ Выборъ текста находится въ несомнѣнной связи съ тѣмъ взглядомъ Хомякова на смерть жены, о которомъ мы говорили выше.

²⁾ Послѣдніе стихи Хомякова.